

Юлиус Эвола

Мистерия Грааля

✠ МАГИЧЕСКИЙ
МИР ГЕРОЕВ

Юлиус Эвола

Мистерия Грааля

«Терра Фолиата»

Эвола Ю.

Мистерия Грааля / Ю. Эвола — «Терра Фолиата»,

Образ Грааля будоражит умы европейцев уже не одну сотню лет. На его поиски отправлялись благороднейшие рыцари и простые мечтатели, снаряжали свои экспедиции могущественные ордена и великие правители. Что же искали они? Чашу, в которую была собрана кровь Христова, или камень, выпавший из короны Люцифера? Святыню или символ высшей власти над миром? Несомненно одно: Грааль есть символ величайшей тайны и открывший её изменится навеки. В путешествие по стопам тех, кто жаждал стать причастным этой тайне, приглашает читателя работа знаменитого итальянского эзотерика барона Юлиуса Эволы. Пресвитер Иоанн и германские императоры, Данте и Верные Любви, тамплиеры и розенкрейцеры предстают на страницах его книги в головокружительном калейдоскопе легенд о Граале, поиски коего суть подлинная инициатическая мистерия. Путь Грааля – путь кшатрия. Тот, кто пройдёт его, подобно избранным рыцарям Круглого Стола, приобщится к Божественному и обретёт истинное королевское достоинство.

© Эвола Ю.

© Терра Фолиата

Содержание

Ермолай. Незаданный вопрос	6
Часть I. Приближение к мистерии Грааля	11
Глава 1. Литературный предрассудок	11
Глава 2. Этнологический предрассудок	13
Глава 3. О традиционном методе	15
Глава 4. Исторический контекст мистерии Грааля	17
Часть II. Принципы и важнейшие влияния	18
Глава 5. Олимпийский цикл	18
Глава 6. О «Герое» и «Даме»	20
Глава 7. Гиперборейский мотив	23
Глава 8. Традиция в Ирландии	25
Глава 9. Предание о короле Артуре	29
Глава 10. Имперская сага и Правитель Вселенной	34
Глава 11. Фридрих, пресвитер Иоанн и Имперское Древо	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юлиус Эвола

Мистерия Грааля

© TERRA FOLIATA, 2013

* * *

Ермолай. Незаданный вопрос

Всякий текст, представляющий собой «исследование» в современном научном понимании, сравним со свежее испечённым хлебом – тёплый, только что вышедший из печи авторских правок, он востребован, он утоляет голод искателей информации, питает споры знатоков хлебного дела и служит гарниром к другим научным блюдам, создатели коих каждый раз прикладываются к нему, размещая ссылку внизу страницы. Затем проходят дни и месяцы, выпечка черствеет, теряет свою гастрономическую ценность и, в конце концов, перестаёт вызывать аппетит даже у самых неразборчивых голодающих, становясь пригодной лишь для витрины булочной или бакалейной лавки, где ей уготовано место среди пластмассовых яблок и тыкв из папье-маше. Иными словами, подобные тексты с рождения обречены закончить свои дни среди макулатуры, обладающей «исторической ценностью»; такова их судьба и судьба их авторов.

Однако существуют тексты иного рода, благодаря выбранной перспективе, подбору фактов и выходящей далеко за плоскость страницы цели, способные сохранять свои питательные свойства и насыщать читателей на протяжении многих лет, подобно Граалю, коему и посвящена предлагаемая работа итальянского философа Юлиуса Эволы, и к каковой категории текстов сама эта работа, несомненно, принадлежит.

Умение выбирать наиболее высокую из возможных точку рассмотрения, умение подниматься над «историческим» и «политическим», над плоскостью материальных свидетельств и осколочных фактов, умение одним отточенным предложением рассекать завесу «здорового смысла», то есть унылый холст обывательской картины мира, открывая дорогу к подлинной реальности, – вот качества Эволы, кои, подобно золотой оправе, соединяют вместе жемчужины сведений, содержащихся в его книгах, и сами по себе представляют для внимательного читателя немалую ценность. Мистерию Грааля, что вполне обладает упомянутыми свойствами, следует отнести к той категории текстов Эволы, каковая условно может быть названа «анализом конкретной традиционной формы». Эта книга стоит в том же ряду, что и *Герметическая традиция*, *Доктрина пробуждения*, *Йога могущества* и *Даосизм*.

Как и в упомянутых исследованиях, говоря о Граале, Эвола привлекает богатый фактологический материал; использованной им библиографии может позавидовать любое академическое издание. Однако «привлекает» не означает «использует как основу».

Даже самые скрупулёзные и обширные современные исследования в области религиоведения и культурологии предпочитают простое перечисление фактов любой попытке их организации. Нынешние учёные испытывают страх на грани невроза перед самостоятельным выводом, ясной общей идеей, они смертельно боятся недвусмысленно выразить авторскую позицию, оправдывая такое отношение «свободой от тенденциозности» и «научной строгостью». Набор фактов, каким бы обширным он ни был, не может являться полным в принципе, а как неполный набор, он тенденциозен всегда. Перекладывая тенденцию в руки обстоятельств (т. е. перечисляя факты «доступные», «известные на данный момент», «обнаруженные в данной местности» и т. п.), автор по сути лишает себя авторства, он предлагает набор разноцветных камушков и сообщает, что потенциально существует мозаика, частью которой они могли быть. Это действительно так, однако, подобная разноцветная пригоршня не является произведением (ни публицистическим, ни научным) и сводит функцию исследователя к занятиям нумизматов и филателистов, составляющих свой «тематический» альбом. Именно такое времяпровождение в наши времена заслужило титул «строгой науки» и стало основным для академически сертифицированных собирателей. Однако задача автора и исследователя в подлинном смысле слова совершенно иная. Автор – прежде всего создатель плана, согласно которому он располагает факты таким образом, чтобы в результате получился осмысленный фрагмент картины мира,

каковая всегда отражает авторскую идею, авторское мировоззрение, личность исследователя, поскольку без субъекта нет никакой картины и никакого мира. В свою очередь, без мировоззрения нет автора, есть только машинистка (и мировоззрение многих современных авторов скорее может быть названо его отсутствием). Таким образом, исследование Эвола, впервые опубликованное в 1937 г., отличается от остальных книг, посвящённых данному вопросу, коих существует немало, отличается в самом главном: оно представляет авторский взгляд на вещи, притом взгляд, укоренённый в традиционной метафизике.

Академические работы, посвящённые проблемам Грааля, каковые были изданы за прошедшие три четверти века, содержат новые исторические факты и ссылки на документы, о коих Эвола не имел представления на момент написания своей книги. И тем не менее, ничего существенного, что бы позволило зачислить его исследование в разряд «устаревших», они не представляют; наоборот, многие моменты, которых Эвола касается вскользь, лишь намечая линию движения мысли, впоследствии получили развитие в других исследованиях и были снабжены соответствующей доказательной базой (при этом, как правило, без ссылок на опального философа).

Итак, Юлиус Эвола в книге *Мистерия Грааля* представляет свой взгляд на традицию, коя, как он совершенно справедливо отмечает, является по сути «сверхрелигиозной мистерией»,¹ своего рода интертрадиционным учением, объединяющим язычников, христиан и мусульман под единым флагом «искателей Грааля». Для Эвола совершенно очевидно, что средневековый миф, в центре которого находился магический предмет, именуемый Граалем, являет собой воплощение древней дохристианской гибеллинской традиции, чьи корни уходят в предыдущий эон. «Царство Грааля», описываемое в средневековых текстах, не имеет места на карте, его нельзя найти по желанию или добыть силой, это царство лишь даётся тем, кто достоин; по сути, речь идёт о символе священной Империи, о её мифологической репрезентации в терминах рыцарского эпоса.

Ключевым моментом мифа, в его самом раннем изложении в поэмах Кретьена де Труа и Вольфрама фон Эшенбаха на рубеже XII–XIII вв., является визит главного героя Персеваля (Парцифаля) в замок больного короля Амфортаса, где хранится Грааль: визит, дарованный ему судьбой, то есть самим Граалем. Персеваль ведёт себя согласно рыцарской этике, как он её понимает, как он был научен своим единственным на тот момент наставником, рыцарем Горнеманом (Гурнеманцем): он молчит и не задаёт «лишних вопросов» ни о природе чудесного явления, которому он стал свидетелем, ни о природе раны короля. Молчание сыграло с ним злую шутку: он не выдержал испытание и оказался недостоин оказанной ему высочайшей чести. Он должен был задать вопрос, восстановив таким путём здоровье Амфортаса и вернув царству Грааля былую славу. Не задав его, он утратил право занять место среди рыцарей Грааля, и дальнейший сюжет истории Персеваля составляет его попытка – удачная в итоге – исправить ошибку. Этот ключевой момент выглядит весьма странным на первый взгляд: не битва, а пиршество у гостеприимного хозяина становится главным испытанием для героя, что совсем не характерно для рыцарских романов. И если вопрос о чуде Грааля кажется вполне естественным в описываемых обстоятельствах, важность и уместность вопроса о ране короля далеко не так очевидна.

Многие критики трактуют упомянутое испытание как проверку на сострадание, на способность сопереживать человеку, пожертвовав нормами этикета. Отчасти это верно; однако речь идёт не о «простом человеческом сострадании», не о сострадании рыцарю Амфортасу, но о сопереживании ему как королю Грааля, пребывающему в ослабленном и болезненном состоянии вследствие раны, нанесённой ему копьём, истинная (эзотерическая) причина которой должна быть выявлена и осознана, ибо только посредством этого осознания она может быть

¹ См. гл. 26.

излечена, а царство восстановлено. «Вопрошание тождественно постановке проблемы»,² — отмечает Эвола, и проблема эта составляет не только движитель сюжета названных произведений, но и подлинный мотив, подвигнувший авторов на их создание. Задача, которая стоит перед читателем, взявшимся за книги де Труа или фон Эшенбаха, не отличается от испытания Персеваля на обеде у Амфортаса: сидя в удобном кресле с чашкой кофе и книгой в руках, он должен не просто приятно провести вечер, но осознать сущность *infirmitas*³ короля Грааля, понять сердцем судьбу его царства, невидимой священной Империи. Не задав свои вопросы, читатель лишь развлечёт себя рыцарскими приключениями, упустив шанс войти в древнюю традицию, ненадолго приоткрывшую дверь для искателей восемь веков назад и оставившую потомкам ключ от неё в виде художественных текстов. Предлагаемая работа Юлиуса Эволы может стать хорошим подспорьем, позволяющим увидеть истинную подоплёку рыцарской саги о Граале и сущность проблемы, кою предстоит решить для себя каждому читателю. Книга итальянского мыслителя ни в коем случае не заменяет произведения средневековых авторов, не служит их «адаптацией» или рефератом — так же, как его *Герметическая Традиция* не заменяет упоминаемые в ней алхимические тексты, а *Йога могущества* — тексты Тантры. Эвола даёт нам замечательные по своей глубине и лаконичности репрезентации традиций, кои могут помочь современному человеку «войти» в них и научиться самостоятельно читать и понимать их документальное наследие.

У мифа о Граале есть три истока, кои автор добросовестно упоминает в тексте книги. Так, совершенно очевидны кельтские «языческие» корни легенды. Священные предметы, вокруг которых строится сюжет романов о Граале (а также других произведений артурианского цикла), включают в себя чашу, камень,⁴ копьё и меч. Все четыре предмета перечисляются в самом начале ирландского эпоса, посвящённого второй битве при Маг Туиред: «На северных островах земли были Племена Богини Дану и постигали там премудрость, магию, знание друидов, чары и прочие тайны, покуда не превзошли искусных людей со всего света... Из Фалиаса принесли они камень Лиа Фаль, что был потом в Таре. Вскрикивал он под каждым королём, кому суждено было править Ирландией. Из Гориаса принесли они копьё, которым владел Луг. Ничто не могло устоять перед ним или пред тем, в чьей руке оно было. Из Финдиаса принесли они меч Нуаду. Стоило вынуть его из боевых ножен, как никто уж не мог от него уклониться, и был он воистину неотразимым. Из Муриаса принесли они котёл Дагды.⁵ Не случилось людям уйти от него голодными». С другой стороны, более поздние интерпретации легенды значительно усиливают христианский элемент мифа, присутствующий у фон Эшенбаха и де Труа, и отождествляют чашу Грааля с кубком Тайной Вечери и сосудом, куда была собрана кровь Христа после того, как бок его был пронзён копьём Лонгина. Следует обратить внимание на тот факт, что подобные интерпретации нельзя рассматривать как «искажения», это скорее временные модификации традиции, которые имеют под собой основания, коренящиеся в эзотерическом символизме самого христианства.

Наконец, третьим источником, каковой может быть условно назван «мусульманским», является иранская традиция, в которой важнейшую роль играет понятие хварны — «объекта, коий... символизирует и воплощает идущую от небес царскую власть, объекта, обладающего аспектами магического камня, королевского камня и камня победы, а также чаши: все эти аспекты мы в равной мере обнаруживаем и в Граале». ⁶ Здесь мы сталкиваемся с одним из тех моментов, которые оговорили выше и на которые следует обратить внимание современному

² См. гл. 23.

³ Ущербность, недостаток (лат.); к этому слову этимологически восходит имя Амфортас.

⁴ Грааль выступает то как чаша, то как камень в различных контекстах.

⁵ См. *Cath Tánáiste Maige Tuired*. Сохранившаяся рукопись относится к XVI в., однако, есть основания считать, что представленный в ней текст создавался в IX–XII вв.

⁶ См. гл. 14.

читателю: во второй половине XX в. попытки междисциплинарных исследований, связанных с Граалем, привели учёных к весьма интересным выводам, коих нет в книге Эволы, но зерно каковых, несомненно, в ней присутствует. Мистерия Грааля содержит главу, посвящённую связи рассматриваемой традиции с герметизмом, и главу, посвящённую «Верным Любви» – ордену, к которому принадлежали Данте, Кавальканти, Петрарка и другие выдающиеся представители итальянского Средневековья. Как сейчас становится ясно, упомянутое Эволой родство гораздо более глубоко, чем может показаться на первый взгляд, и герметическая традиция в этом контексте выступает как единый предок или ствол, ветви которого протянулись в различные культуры и времена.

В 1965 г. Генри и Рене Кахейн опубликовали замечательную книгу под названием *Кратер и Грааль: герметические истоки Парцифалья*.⁷ Поэма Вольфрама фон Эшенбаха своими ключевыми моментами и заложенными в тексте философскими идеями демонстрирует поразительное сходство с основным документом герметизма – *Corpus Hermeticum*, в особенности с его четвёртой главой, носящей название *Κρατήρ* (то есть «кубок» или «чаша»), каковому сосуду в европейской традиции соответствует священный Грааль. Отшельник Треврицент, подлинный инициатор Парцифалья в поэме фон Эшенбаха, знакомство с которым подготовило героя ко второй, успешной встрече с Граалем, как показывают авторы, фактически является аватаром Гермеса; его имя происходит от *treble-escient*, то есть «трижды-мудрый» – дословный перевод титула «Трисмегист», коим традиционно наделяют автора *Изумрудной Скрижали*.⁸ Треврицент обучает Парцифалья не только «истинному писанию» (*wâren buoch*), но также «науке звёзд» и знанию трав;⁹ его «языческая» мудрость выходит далеко за пределы христианского канона. Загадочному *lapsit exillis*, упоминаемому фон Эшенбахом,¹⁰ каковое искажённое латинское название имеет множество толкований (и большинство из них приводит в своей работе Эвола), авторы ставят в соответствие камень *μαγνητις λίθος* (то есть «магнит»), упоминаемый в *Герметическом Своде* в связи с созерцанием божественного: «оно притягивает и оно привязывает, как магнит притягивает железо».¹¹ Читая *lapsit exillis* как *lapis exilis*, то есть как «презренный камень», авторы справедливо замечают, что подобная характеристика магнитного железняка часто употреблялась в период написания Парцифалья. Однако они не упоминают (вероятно, вследствие недостаточного знакомства с соответствующим корпусом текстов) тот факт, что «презренным камнем» в средневековых алхимических трактатах традиционно назывался Камень Философов – тот самый, который, будучи очищен от своей «проказы», приобретает достоинство *lapis philosophorum*, конечной цели герметического пути.

Авторы *Кратера и Грааля* в своём исследовании весьма убедительно доказывают, что упоминаемый фон Эшенбахом загадочный Киот,¹² поведавший ему историю Грааля, коего раньше ошибочно отождествляли с Гийомом Прованским, на самом деле – Гийом из Туделы (Guillot de Tudela, 1199-1214), автор *Песни об Альбигойском Походе*, а также знаток герметизма, астролог и геомант (в этой связи читателю стоит обратить внимание на эпизод в истории Парцифалья, когда тот погрузился в глубокий транс, созерцая три капли крови на белом снегу). И всё же утверждение Вольфрама, что рукопись подлинной истории сына Гамурета, будто бы найденная Киотом в Толедо, была арабской, не удостоивается того внимания в книге американ-

⁷ Henry and René Kahane, *The Krater and the Grail: Hermetic sources of the Parzival*. University of Illinois Press; Urbana, 1965.

⁸ См. *The Krater and the Grail*, pp. 61-63.

⁹ Ibid.

¹⁰ «Грааль – это камень особой пор оды: Lapsit exillis – перевода На наш язык пока что нет. Он излучает волшебный свет...» (пер. Л. Гинзбурга).

¹¹ *Corpus Hermeticum*, IV, 11 (пер. Богущкого). «Киот, продолжая со мной беседу, Сказал, что нашёл в знаменитом Толедо Сие удивительное сочинение В первоначальном его изложении. На арабском писано языке, Оно хранилось в тайнике...» (пер. Л. Гинзбурга).

¹² См. *The Krater and the Grail*, pp. 122-127.

ских учёных, коего несомненно заслуживает. Здесь снова сказывается недостаток «междисциплинарных» знаний; специалисты по средневековой литературе и «высокому герметизму» (что само по себе явление редкое), авторы не могут похвастаться знакомством с ближневосточной традицией, и эту лакуну сумел восполнить только Анри Корбен, выдающийся европейский исследователь ислама, человек, погружённый в Традицию и понимающий смысл её внутренних учений. В работе *Свет Славы и Святой Грааль* он указывает, что для Сохраварди, иранского философа и мистика XII в., Гермес был «отцом всякой мудрости». Традиция, кою представляет Сохраварди, возникла на стыке герметизма, ислама и зороастрийской религии. Как отмечает автор, «Гермес, Кай Хосрау и Заратуштра представляются нам в равной степени посвящёнными и мистагогами Света Светов, Света Славы, который упоминается у Сохраварди под традиционным иранским названием хварна». Сохраварди был суфием и современником великого суфийского мистика Рузбехана (1128-1209), автора *Kitâb-e 'Abhar al-'âshiqîn*, основного текста суфийской школы «Верных Любви». Именно это учение легло в основу ордена *Fedeli d'Amore*, членами которого были Данте и Петрарка и связь которого с легендой о Граале упоминает Эвола.

Таким образом, история магического Камня-чаши, пересказанная Вольфраму фон Эшенбаху Гийомом Тудельским на основе арабской рукописи, является плодом синтеза герметизма, шиизма и зороастрийства, попавшим на благодатную почву европейской рыцарской традиции, удобренной идеями гностического христианства и язычества, и проросшим бессмертными поэмами цикла Грааля. Эпопея «пронзающего чашу [материи]» (*Perce-val*) – великий миф Средневековья, играющий в европейской культуре не меньшую роль, чем греческие мифы, и в не меньшей степени способный открыть перед теми, кто отважится его прожить, путь в трансцендентное. Этот сплав эзотерических учений многих народов и культур является поистине космополитическим, он не может быть ассимилирован ни одной религией, не может быть присвоен ни одним народом; подобно самому Граалю, он пребывает в сокрытии от досужих взглядов публики, вдали от всего обыденного и плоского, ограниченного рамками догм, конфессий, национальных культур и интеллектуальной моды. Учение сие притягивает как магнит, *lapis exilis*, того, кто готов отправиться в путь за Светом Светов, захватив с собой несколько хороших дорожных карт, одной из которых, несомненно, является эта книга.

Часть I. Приближение к мистерии Грааля

Глава 1. Литературный предрассудок

Всякий, кто желает постичь суть рыцарских романов и эпических сказаний, к каковым принадлежит и цикл Грааля (а равно и многие другие сходные и родственные произведения), должен отринуть ряд предрассудков, первый из коих мы зовём предрассудком литературным.

Мы имеем в виду предубеждение, каковое демонстрируют те, кто рассматривает романы и легенды как фантастические и поэтические произведения, дело рук человеческих, принадлежат ли они перу одного автора или группы лиц; подобные люди отвергают всё, что могло бы обладать высшей, символической ценностью и что нельзя принять за продукт субъективного творчества. Однако именно этот символический, объективный и наиндивидуальный элемент и составляет сердцевину саг, легенд, мифов, героических и эпических сказаний мира традиции.¹³ Указанный элемент не всегда вносился автором совершенно умышленно. Наиболее важные и существенные элементы, особенно в случае наполовину коллективного творчества, практически бессознательно выражались авторами, не отдававшими себе отчёт в том, что действуют, повинаясь неким влияниям извне, каковые в определённые моменты использовали непосредственное намерение или творческий порыв отдельных лиц или групп, дабы достичь собственных целей.

Таким образом, даже в тех случаях, когда кажется, что на передний план выходят спонтанные, поэтические или фантастические моменты, они, тем не менее, выступают лишь как условное прикрытие и средство выражения, на каковом может задержаться только поверхностный читатель. Некоторые авторы намеревались создать просто художественное произведение и действительно добивались в этом такого успеха, что их творчеством наслаждались те, кто разбирается в эстетике произведения и вполне может её оценить, но и только. Однако это не означает, что в своих «художественных произведениях» и творческих порывах они не выразили нечто большее, сумев сохранить и передать или даже актуализировать высшее содержание, каковое всегда под силу распознать опытному глазу. Некоторые из них, несомненно, были бы шокированы, если бы им ясно указали на то, что именно так и обстоит дело с их собственными произведениями.

Тем не менее, авторы творений, опиравшихся на легенды и традиции, зачастую не осознавали, что имеют дело с чем-то выходящим за пределы простого искусства и фантазии, хотя почти всегда у них возникало смутное ощущение масштабов тех тем, каковым они отводили центральное место в своих произведениях. Художественный замысел, проистекая из сферы индивидуальной психологии, распространялся на область саг и легенд, то есть область периферийного сознания и даже далее, в зону более тонких, более глубоких и более значимых влияний. Так, с психоаналитической точки зрения, сны относятся к тем состояниям, в которых подобные влияния, подавленные или вытесненные из бодрствующего сознания, напрямую подчиняют себе силу воображения, обретая символическое выражение. Обычное сознание воспринимает последние, не постигая их подлинного содержания. Чем более необычными и неясными кажутся эти символы или фантазмы, тем более имеется оснований, чтобы подозревать существование скрытого, разумного и значимого содержания.

¹³ Дабы понять специфическое значение, каковое мы придаём выражению «мир традиции», отсылаем читателей к двум другим нашим работам: *Восстание против современного мира* и *Личина и лик современного спиритуализма*. Аналогичный смысл придавали ему Р. Генон и его последователи.

Именно таким образом во многих случаях следует воспринимать саги, легенды, героические сказания, мифы и даже волшебные сказки. И зачастую происходит так, что наиболее фантастический, странный, невероятный и неясный момент, который имеет наименьшую эстетическую или историческую ценность, – и на который в результате, как правило, не обращают внимания, – в конечном счёте даёт наиболее важный ключ, позволяющий понять центральный элемент, каковой придаёт произведению его истинный смысл, а порой и высшее историческое значение. Согласно выражению, свойственному одной традиции, связь которой с Граалем будет проиллюстрирована в дальнейшем, «когда я говорил о нашей науке туманно и загадочно, я говорил о ней наиболее ясно и открыто». Римский император Юлиан писал: «Если мифы говорят о божественном вопиющие нелепости, то это свидетельствует лишь о том, что мифам не следует верить прямо, но должно разыскивать и рассматривать в них сокрытое».¹⁴

Итак, это первый предрассудок, каковой необходимо отринуть. Данный предрассудок влияет на интерпретацию средневековых романов и в особенности произведений Верных Любви (*Fedeli D'Amore*). Из-за преобладания художественных и поэтических элементов, каковые служили в качестве прикрытия, многие расценивают как иконоборчество всякие попытки дать внелитературное истолкование произведениям подобного рода, а именно, любому стремлению проникнуть в мистику этой поэтической литературы. Такие попытки связаны не только с влияниями, стоявшими у истоков цикла Грааля, но и с организациями, каковые действовали «за кулисами» истории.

¹⁴ Юлиан. *К Ираклию кинику*. [Цит. по: Император Юлиан. *Сочинения*. – СПб., 2007. С. 232. – Прим. пер.].

Глава 2. Этнологический предрассудок

Второй предрассудок, каковой необходимо преодолеть, – предрассудок этнологический. В основном он имеет отношение к тем изысканиям, чья цель – выявить многочисленные скрытые корни того цикла легенд, к которому принадлежит и сказание о Граале. Подобные исследования оказались не в состоянии обнаружить в них ничего, кроме фрагментов фольклора и древних примитивных народных верований. В связи с этим следует внести некоторую ясность, поскольку упомянутые элементы в традиции Грааля действительно имеют место. Более того, они служат звеном, восстанавливающим связь между историческим аспектом, свидетельствующим о том, что данная традиция жива и действенна, и сверхисторическим и инициатическим аспектами легенды о Граале.

Прежде всего, необходимо распространить до коллективного уровня относительность «творческого» аспекта, который нами уже рассматривался ранее в контексте творчества индивидуального, поскольку большинство людей видит в фольклоре спонтанное народное творчество либо продукт коллективной фантазии, замешанный на суевериях, каковой, по большому счёту, необходимо рассматривать как некую причуду. Находясь во власти подобного предубеждения, так называемые этнологические школы, подобно психоаналитическим течениям, изучающим «коллективное бессознательное», принялись за различные исследования, каковые всегда сводятся к систематическому пагубному низведению высшего и превосходного к низшему и мелкому.

В этой связи мы вынуждены не согласиться с самим понятием «примитивности», какую сегодня приписывают некоторым народным традициям. Далеко не будучи «примитивными» (т. е. изначальными), подобные традиции в большинстве случаев суть не что иное, как выродившиеся остатки того, что восходит к древнейшим эпохам цивилизации. Таким образом, наше мнение совпадает с оценкой фольклора Геноном, каковой писал, что «практически повсеместно мы встречаемся с традиционными элементами в истинном смысле слова, хотя они и имеют ослабленный, деформированный и фрагментированный характер. Эти элементы обладают подлинной символической ценностью и, таким образом, вовсе не являются порождением не только народного, но и вообще человеческого разума; народным является лишь факт их «выживания», с учётом того, что указанные элементы принадлежат традициям, прекратившим существование.

Эти угасшие традиционные формы уходят в такое отдалённое прошлое, что его даже затруднительно определить, в прошлое, принадлежащее, таким образом, туманной области предистории. В данном случае народ действует как носитель своего рода более или менее бессознательной коллективной памяти, содержание которой происходит из какого-то иного источника».¹⁵

В равной мере мы разделяем точку зрения Генона и тогда, когда он разъясняет тот необычный факт, что народ в подобных случаях выступает носителем множества элементов, принадлежащих более высокому уровню, например, сфере инициатического, а значит, уровню, по сути своей, «нечеловеческому»:

«Когда традиционная форма начинает угасать, её последние представители могут намеренно доверить коллективной памяти то, что в ином случае было бы утрачено. Иными словами, это единственный способ спасти то, что ещё может быть спасено. В то же время, естественное непонимание массами служит достаточной гарантией того, что то, что обладает эзотериче-

¹⁵ R. Guenon, «Le Saint Grail», *Le Voile d'Isis* (1934), 47-48.

ским содержанием, не будет утрачено, но продолжит существование как своего рода свидетельство прошлого для тех, кто в последующие эпохи окажется способен это усвоить».¹⁶

Это последнее наблюдение особенно оправданно, когда речь заходит об элементах якобы «языческого» нордическо-западного фольклора, каковые присутствуют в легендах о Граале и короле Артуре. Оные элементы, будучи надлежащим образом интегрированы (т. е. соотнесены со своим изначальным символическим значением посредством традиционных и даже межкультурных сопоставлений), явят подлинный смысл некоторых связанных друг с другом романов и эпических поэм.

Эти произведения представляли особую значимость для мира средневекового рыцарства и имели отношение к имперскому идеалу гибеллинов, а также к различным тайным традициям и организациям, кои, в той или иной форме, восприняли духовное наследие данного идеала.

Таким образом, мы можем видеть чёткую разницу между подобным подходом и уже упоминавшимися психоаналитическими теориями подсознания или коллективного бессознательного, каковое стало для них своего рода «сундуком со старьём», в котором есть всё, что угодно, и это всё, так или иначе, рассматривается в терминах «жизни», «атавизмов» или «иррационального». То, что подобные теории именуют исключительно «бессознательным», следовало бы скорее относить к сфере сверхсознания. Просто нелепо относиться к мифам и символам как к проявлениям или архетипам «жизни», с учётом того, что они обладают, по сути своей, метафизической природой и с «жизнью» не имеют ничего общего, если только речь не идёт об их пустых оболочках. Бессмысленно было бы утверждать, как то делают К. Г. Юнг и Рихард Вильгельм,¹⁷ что любой позитивный анализ должен ограничиваться изучением проявлений «бессознательного», понимаемого как чистый опыт, лишённый какой бы то ни было связи с трансцендентными элементами.

В действительности, когда отсутствуют надёжные точки опоры, у человека нет никакой надежды на то, что он сможет сориентироваться в разнородном опыте, понять и оценить его, особенно когда опыт в целом полностью отождествляется с некоторыми отдельными своими проявлениями, которые порой даже определяются патологическими факторами. Это прекрасно иллюстрируется результатами многообразных психоаналитических интерпретаций. Все попытки подобного рода не способны подняться до духовного уровня. Более того, даже когда они не ведут в субнормальный мир неврастения и истерии, приводя к отклонениям, описанным Фрейдом в работе *Тотем и табу*, тем не менее, они вызывают (как в случае теории Юнга об «архетипах») спутанные ощущения, находящиеся под сильным влиянием нового суеверного культа «витального» и «иррационального», свидетельствуя тем самым не столько об отсутствии принципов, сколько об ошибочности таковых.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Предисловие К. Г. Юнга и Р. Вильгельма к *Тайне золотого цветка*.

Глава 3. О традиционном методе

Помимо всего прочего, необходимо отказаться от тенденции выводить фундаментальные образы легенд о Граале и имперского мифа исключительно из отдельных исторических событий, предполагая наличие внешних причин и эмпирических связей. Согласно общераспространённому мнению, сказание о Граале есть по сути своей христианская легенда.¹⁸ Некоторые, напротив, выдвигали гипотезу о его кельтско-языческом истоке;¹⁹ другие более склонялись к индокитайскому происхождению, тогда как третьи отстаивали версию о сирийских мотивах,²⁰ а кто-то возводит его к алхимии.²¹ В иных случаях Грааль не только связывали с доктринами катаров и древних персов, но даже пытались идентифицировать персонажей легенды и описанные в ней исторические места (согласно некоторым, это Франция, согласно другим – Иран).

Не имеет значения, насколько оправданы подобные сопоставления, важен дух, коим они руководствуются. Характерная черта того метода, каковой мы именуем «традиционным» (в противоположность профаническому, эмпирическому и критико-интеллектуальному методу современных исследований), заключается в особом акценте на универсальном характере символа или учения и в сопоставлении его со сходными символами, обнаруживаемыми в иных традициях, что позволяет выявить наличие чего-то такого, что в равной мере превосходит любое из этих проявлений, которые отличаются друг от друга, будучи в то же время равноценными, и предшествует им. Поскольку отдельная традиция по сравнению с прочими может более полно, чётко и ясно выражать некое общее значение, поиски соответствий между ними есть, следовательно, один из наиболее плодотворных путей к пониманию и интеграции того, что в иных случаях предстаёт в неопределённой и фрагментарной форме.

Именно упомянутому методу мы намерены следовать, хотя у современных учёных он не в почёте. Их, прежде всего, занимают не подлинные соответствия, но туманные сопоставления.

Иными словами, они изучают эмпирические и всегда неопределённые обстоятельства материальной передачи тех или иных идей или легенд от одного народа к другому, от одних литературных произведений к другим, игнорируя тем самым тот факт, что везде, где мы обнаруживаем влияния, относящиеся к уровню более глубокому, нежели лишь сфера индивидуального сознания, соответствующая трансляция может происходить также и неординарными способами, то есть без особой временной и пространственной обусловленности и внешних исторических связей. Кроме того, любое сравнение в современных исследованиях подобного рода завершается лишь смещением перспективы, а не её расширением. К примеру, когда учёный находит соответствие ряда сюжетов легенды о Граале с теми, что обнаруживаются, скажем, в персидской традиции, это расценивается им, как «открытие подлинных истоков», и, в итоге, он гордо объявляет миру, что «Грааль есть персидский символ»! Обнаруженная взаимосвязь не помогает ему прояснить одну традицию посредством другой или осмыслить одну традицию в универсальном, метафизическом и сверхисторическом контексте, каковой может стать более очевидным при обращении к соответствующему символу, наличествующему в другой. Иначе говоря, благодаря случайному изменению перспективы всё сводится к двухмерной модели. В итоге, ускользает от внимания важный момент, который, более всех прочих, мог бы помочь перейти от двух поверхностных измерений к третьему, глубинному, который может выступить ключом или центральным ориентиром при анализе всего имеющегося материала.

¹⁸ A. Nutt, *Studies on the Legend of the Holy Grail*, London, 1888. Также J. Marx, *La Légende arthurienne et le Graal*, Paris, 1952.

¹⁹ L. von Schroeder, *Die Wurzel der Sage vom heiligen Gral*, Vienna, 1910.

²⁰ L. E. Iselin, *Der morgenländische Ursprung der Grallegende*, Halle, 1909.

²¹ R. Palgen, *Der Stein der Weisen*, Breslau, 1922.

Теперь нам бы хотелось дать ещё одно пояснение касательно попыток истолковать легенду о Граале при помощи обращения к историческим фигурам и событиям, учитывая, что сходные устремления существовали и в отношении прочих легенд, имеющих к ней значимое отношение (в частности, сказаний о короле Артуре и пресвитере Иоанне).

В целом, в указанных попытках можно различить так называемую евгемеристическую тенденцию, принятую современными учёными в силу своего необоримого стремления низводить высшее к низшему везде, где это возможно. Согласно их точке зрения, герои мифов и легенд суть лишь абстрактные проекции исторических фигур, в конечном счёте, вытеснившие последних, превратившись в фантастических персонажей. Однако истина состоит в обратном: в символах и мифах нашли своё отражение реальности высшего, архетипического порядка. Может случиться так, что в ходе исторического процесса определённые организации или личности станут воплощениями указанных реальностей. Когда такое имеет место, история и сверхистория пересекаются и сливаются в единое целое; тогда человеческая фантазия может инстинктивно наделять эти личности или организации мифическими чертами, поскольку реальность некоторым образом стала символом, а символ – реальностью. В подобных случаях евгемеристическая интерпретация тотально искажает подлинную взаимосвязь. Здесь первичным элементом является именно миф, каковой, таким образом, должен рассматриваться как отправной пункт, тогда как исторический персонаж или обстоятельство суть лишь одно из возможных и обусловленных проявлений высшего порядка вещей.

В других своих работах мы продемонстрировали подлинный смысл якобы абсурдных и случайных взаимоотношений, которыми в легендах связаны различные исторические персонажи. Указанные отношения устанавливались, несмотря на то, что эти лица с исторической точки зрения не имели друг с другом ничего общего ни в пространстве, ни во времени, поскольку они бессознательно воспринимались как равновеликие воплощения одного и того же принципа или функции. Аналогичны и основания, на которых строились некоторые генеалогии, каковые на первый взгляд кажутся не менее экстравагантными: легендарная родословная была фигуральным выражением духовной общности, реальность которой могла не зависеть от биологической преемственности в пространстве и времени. По сути, именно с такой точки зрения следует рассматривать родословную королей Грааля, Лознгринга, короля Артура, пресвитера Иоанна, Гелиаса и других. Более того, именно подобные идеальные ситуации, истекающие из вышеупомянутого пересечения истории и сверхистории, дают нам фундаментальный ключ к пониманию происхождения и значения легенды о Граале и тех её элементов, которые возвращают нас не только к сверхисторической идее Империи, но также и к одному из её проявлений в западном мире эпохи Средневековья.

Глава 4. Исторический контекст мистерии Грааля

Если тексты, составляющие цикл Грааля, рассматривать по отдельности, то можно обнаружить, что в них повторяется несколько основных сюжетов, связанных с символизмом рыцарства и его деяний. Здесь мы сталкиваемся с преобладанием тем мистического центра, странствия в поиске (*quest*) и духовного испытания, наследования королевской власти или её восстановления, каковые порой соотносятся с мотивами исцеления или мести. Парцифаль, Гавейн, Галахад, Ожье, Ланселот и Передур по сути своей – лишь различные имена, даваемые одному и тому же человеческому типу; в равной мере, король Артур, Иосиф Аримафейский, пресвитер Иоанн и Король-Рыбак суть эквивалентные фигуры и различные варианты иного образа. Также тождественны описания всевозможных таинственных замков, островов, королевств и недостижимых опасных земель, каковые в повествовании следуют друг за другом, что, с одной стороны, придаёт ему странную, сюрреалистическую окраску, а с другой, зачастую делает его монотонным.

Мы уже отмечали, что всё это имеет или может иметь характер «мистерии» в инициатическом смысле слова. Но в той специфической форме, в которой всё это выражено в цикле Грааля, мы должны увидеть пример наложения на историческую реальность сверхисторической, каковой связывает символы этой мистерии со смутным, но живым ощущением того, что её подлинная реализация требовала разрешения, как в духовной, так и в мирской сфере, кризиса целой эпохи, а именно, вселенско-имперского Средневековья.

Именно такая специфическая ситуация даёт начало циклу Грааля. Обращение к изначальным и сверхисторическим мотивам пересекалось с подъёмом исторической традиции к точке равновесия, вокруг которой собирался и кристаллизовался материал различной природы и происхождения, будучи объединён способностью выражать общую тему. Таким образом, нам необходимо, исходя из идеи фундаментального внутреннего единства различных произведений и различных символов, персонажей и их приключений, приступить к поискам скрытых возможностей одного произведения интегрировать в себя и продолжить другое, пока, наконец, не получим всеобъемлющего представления об основных темах. Сопоставление подобных мотивов с их универсальным, межтрадиционным значением и всеобщей метафизикой истории было бы повторением того, что мы попытались предпринять в иной своей работе;²² здесь же нам стоит ограничиться лишь указанием на те моменты, что являются наиболее существенными для постижения как исторического, так и сверхисторического значения мистерии Грааля.

²² См. нашу книгу *Восстание против современного мира*.

Часть II. Принципы и важнейшие влияния

Глава 5. Олимпийский цикл

Согласно принятой нами точке зрения, то, что у различных народов выступало в качестве подлинной традиции, не есть нечто относительное, обусловленное внешними или чисто историческими обстоятельствами. Наоборот, оно всегда служит свидетельством наличия элементов уникального по сути своей знания, элементов, кои всегда носили характер констант.

Традиционное учение, независимо от принимаемых им форм, всегда и везде утверждало существование изначальной расы, наделённой трансцендентной духовностью, по причине чего раса сия зачастую рассматривалась как божественная или «подобная богам». Мы называем эту расу олимпийской, намереваясь подобным обозначением подчеркнуть присущее ей превосходство, её, по сути, сверхъестественную природу. Сила свыше наличествует в ней как «присутствие», предназначая эту расу к правлению, к исполнению королевской функции, делая её расой «тех, кто есть» и «тех, кто может», порою именуемой солнечной расой.

Представление о Золотом Веке, которое можно найти во многих традициях, есть отдалённое воспоминание об этой расе. С тех пор, как однажды то, что было некогда явным, стало сокрытым, у народов также возникло свехисторическое понимание роли и назначения, места и происхождения данной расы. Вследствие прогрессирующей инволюции человечества, о коей также упоминают некоторые традиции, её деяния постепенно стали невидимыми, и таким образом, прямой контакт между историческими и свехисторическими элементами оказался разорван. Именно об этом, к примеру, учил Гесиод, согласно коему, существа изначальной эпохи никогда не умирали, но, скорее, приняли незримую форму, дабы руководить смертными.²³ Так тема Золотого Века превратилась в тему метафизического царства, с коим таинственным, объективным и онтологическим образом связаны все правители, «отмеченные свыше», как те, кто был подлинными наследниками изначальной традиции, так и те, кто с той или иной степенью совершенства и более или менее осознанно воспроизводили изначальный тип царства (*regnum*) в рамках данной страны и цивилизации. Так традиционные представления о невидимом «Царе Царей», «Правителе Вселенной» или «Царе Мира» оказались переплетены с особыми символами, некоторые из коих непосредственно основываются на аналогиях, тогда как прочие суть мифологизированные воспоминания о земле или землях, где разворачивался олимпийский цикл.

Символы эти, прежде всего, выражают идею центральности: центр, полюс, область в центре земли, центральный камень или основание, магнит. Кроме того, это символы стабильности: остров, окружённый водами, скала, непоколебимый камень. И, наконец, это символы несокрушимости и недоступности: невидимый замок или страна, куда нельзя найти дорогу, крутая горная вершина, подземные территории. Также это образы «Земли Света», «Земли Живых», «Святой Земли». Помимо прочего, здесь имеют место все варианты символизма золота, какой, с одной стороны, сопряжён с представлениями о солнечности, свете, царственности, бессмертии и непорочности, с другой, он всегда некоторым образом связан с изначальной традицией и эпохой, именуемой золотой. Иные символы указывают на «жизнь» в высшем смысле слова (например, «пища вечности», «Древо Жизни»), трансцендентное знание, незримую силу; все эти образы являют себя в самых различных сочетаниях, дающих фантастические, символические или поэтические репрезентации для той или иной традиции указанной неизменной

²³ Гесиод. *Труды и дни*.

темы невидимого царства и Высшего Центра мира, самого по себе либо его эманаций и проявлений.²⁴

²⁴ По данному вопросу см. труд Рене Генона *Царь Мира*, к коему мы неоднократно будем обращаться по ходу нашей работы.

Глава 6. О «Герое» и «Даме»

Общеизвестно, что учение о Золотом Веке является частью доктрины четырёх эпох, которая иллюстрирует прогрессирующую духовную инволюцию, разворачивающуюся с течением истории с древнейших времён. Все эти эпохи также имеют морфологическое значение и выражают характерную и универсальную форму цивилизации. За Золотым Веком следует *Век Серебряный*, который соответствует скорее жреческому и женственному, нежели царскому и мужественному типу духовности: мы именуем её *лунной* духовностью, поскольку между символами золота и серебра традиционно имеется та же связь, что и между солнцем и луной. В данном контексте подобное соответствие становится особенно очевидным: луна есть женское светило, каковое, в отличие от солнца, не содержит в себе самом принцип собственного света. А значит, имеет место переход к духовности, обусловленной созерцательностью, то есть, к духовности экстравертной, характеризующейся склонностью к подчинению, уединённости, любовному или экстаическому восторгу. Именно здесь следует искать корень «религиозного» феномена, от его теистическо-набожных до мирских форм.

Любой бунт дикой и материализованной мужественности против этих духовных форм является признаком *Бронзового Века*. Век сей характеризуется деградацией воинской касты и её мятежом против того, кто представляет дух, поскольку он не является более олимпийским вождём, но лишь жрецом. Бронзовый Век также отличается разложением принципа, отличавшего касту воинов, а именно, проявлениями с её стороны гордыни, насилия, агрессии. Мифом, соответствующим этому веку, является титаническое или люциферианское восстание, равно как и прометеевская попытка похитить олимпийский огонь. Век «гигантов», эпоха Волка или «стихийных существ» – таковы в равной мере его именованья, встречающиеся в различных традициях и их фрагментах, сохранившихся в легендах и эпических сказаниях различных народов.

Последняя эпоха есть *Железный Век*, или, согласно соответствующей индуистской терминологии, Тёмная Эпоха (Кали-Юга). В этот период всякая цивилизация теряет сакральность, всякая цивилизация знает и превозносит лишь человеческое и земное. Против подобных форм упадка восстаёт идея возможного цикла реставрации, каковой Гесиод именует *героическим циклом* или *веком героев*. Здесь слово *героический* стоит понимать в особом, техническом смысле, который отличается от обычного его значения. Согласно Гесиоду, «поколение героев» было создано Зевсом, то есть, олимпийским принципом, для реализации возможности восстановления изначального состояния, дабы дать жизнь новому «золотому» веку.²⁵

Однако, чтобы осуществить эту возможность, каковая есть именно возможность, а никак не неизбежное состояние вещей, прежде всего необходимо преодолеть как «лунную» духовность, так и материализованную мужественность, то есть победить и жреца, и простого воина или титана. Эти архетипические свершения можно обнаружить среди деяний «героических» персонажей почти каждой традиции. В эллинистическо-ахейской традиции, к примеру, именно таковы действия Геракла, как прототипа героя; его извечный враг Гера – высшее божество лунного пантеистического культа. Геракл стяжает олимпийское бессмертие, став союзником Зевса, то есть олимпийского принципа, в борьбе против «гигантов»; согласно одному из мифов данного цикла, именно благодаря Гераклу, «титанический» элемент (символизируемый Прометеем) был освобождён и примирён с элементом олимпийским.

Если титан представляет собой того, кто не приемлет человеческие условия и желает похитить божественный огонь, то между героем и титаном имеется лишь небольшая разница. Поэтому Пиндар призывает людей не «стремиться стать подобными богам», а в иудейской

²⁵ Гесиод, *Труды и дни*. 156-73.

мифологии проклятие Адама выступает как аналогичное предостережение о фундаментальной опасности. Титанический – или, в ином аспекте, воинский тип – есть, в конце концов, именно тот материал, из которого создаются герои. Однако для позитивного решения подобной дилеммы, то есть для достижения олимпийской трансформации как реинтеграции в изначальное состояние, необходимо соблюсти двойное условие.

Прежде всего, должно явить доказательство и подтверждение мужских качеств, поэтому в эпических и рыцарских символических сказаниях мы находим массу приключений, подвигов, схваток. Но эти качества не должны становиться самоцелью, вести к гордыне и замыканию «Я» в себе самом, к неспособности открыться трансцендентной силе, лишь благодаря которой огонь может превратиться в свет и освободиться. Кроме того, подобное освобождение не должно класть конец внутреннему напряжению, поскольку следующее испытание будет состоять в адекватном утверждении мужского качества на сверхчувственном плане. Следствием этого является олимпийская трансформация или стяжание достоинства, кое в инициатических традициях всегда именуется «царским». Именно этот решающий момент отличает героический опыт от любого мистического отклонения и пантеистического смешения; один из тех разнообразных символов, которые знаменуют сей момент, – это символ женщины.

В индоарийской традиции каждый бог – то есть, каждый трансцендентный принцип – имеет свою невесту, именуемую словом *шакти*, каковое также означает «могущество». На Западе Мудрость (София), а иногда даже Святой Дух представлялись как царственная женщина, а в греческой мифологии Геба, вечная олимпийская юность, была отдана в жёны Гераклу. На древнеегипетских изображениях божественная женщина преподносит царям лотос, каковой служит символом возрождения и «ключом жизни». Подобно древнеиранской *фравашии*, нордическая валькирия олицетворяет трансцендентную сущность воинов, силу их судьбы и побед. Римская традиция знает *Venus Victrix*,²⁶ считавшуюся прародительницей имперского рода (*Venus Genitrix*),²⁷ а кельтская упоминает сверхъестественную женщину, коя уносит воинов на таинственные острова, дабы своей любовью сделать их бессмертными. Ева, согласно этимологии этого имени, означает «Жизнь» или «Живущая». Не останавливаясь более на подобных примерах, каковые мы уже рассматривали в иной работе, нам бы хотелось подчеркнуть, что весьма широко распространённый символизм видит в женщине животворящую и преобразующую силу, благодаря которой возможно преодолеть человеческое состояние.

Но почему эта сила представляется именно в образе женщины? Поскольку любой символизм основывается на особых, построенных на аналогии связях, необходимо начать с возможных отношений между мужчиной и женщиной. Оные отношения могут быть либо нормальными, либо нет. В последнем случае женщина доминирует над мужчиной. Поскольку символизм женщины, связанный с этим вторым случаем, не имеет отношения к рассматриваемой нами здесь теме, мы не будем на нём останавливаться. Скажем лишь, что в таком случае мы сталкиваемся с гинекократическими (матриархальными) воззрениями, каковые должны расцениваться как реликты времён «лунной» цивилизации, в коих мы обнаруживаем отражение сюжета зависимости и пассивности мужчин перед духом, представшим в женском обличье (Космическая Мать или *magna mater*,²⁸ Матерь Жизни и т. д.), что является характерным для тех времён мотивом.

Тем не менее, более общее представление о женщине как о распорядительнице *сакрального* (*sacrum*), носительнице жизни, коя освобождает, одухотворяет и преобразует обычное существо,²⁹ не обязательно попадает в указанную категорию; подобная идея, скорее, может

²⁶ Венера-Победительница (лат.). – Прим пер.

²⁷ Венера-Прародительница (лат.). – Прим пер.

²⁸ Великая мать (лат.). – Прим пер.

²⁹ См. нашу работу *Метафизика пола*.

рассматриваться (а зачастую и рассматривается) в контексте духовности, кою мы поименовали «героической». В подобном случае необходимо обратиться к нормальным отношениям между мужчиной и женщиной, полагаемым в основание аналогии и символизма; отсюда представление о ситуации, когда мужской принцип сохраняет свою собственную природу. Перед лицом мужского начала дух предстаёт как «женщина»: мужчина – активен, дух – пассивен. Даже сталкиваясь с преобразующей и одухотворяющей его силой, герой, носитель мужского принципа, сохраняет позицию мужа как господина своей жены. По ходу дела нам стоит отметить, что подобный символизм всецело противоположен брачному символизму, превалирующему в религиозном и в особенности христианском мистицизме, где душе приписывается роль женщины, «невесты».

С учётом сказанного и припомнив то, что мы говорили о «знаках» центра, мы получаем смешанные символы: Дама Острова, Дама Древа, Дама Источника, Дама или Королева Замка, Королева Солнечной Земли, Дама, заключённая в Камень и т. д. В частности, в образе вдовы женщина символизирует период молчания, то есть, период, когда традицией, силой или могуществом более никто не обладает, когда они лишены своего «мужа» и ожидают нового властелина или героя.³⁰ Аналогичным смыслом обладает образ девы, находящейся в заточении и ожидающей освобождения и брака с предначертанным судьбой рыцарем. Основываясь на этом, всё, что в эпических сказаниях и многих рыцарских романах говорится о приключениях и героических поединках, предпринятых во имя дамы, почти всегда возможно истолковывать как символ испытаний мужских качеств, испытаний, каковые являются предварительным этапом трансцендентной интеграции человеческой личности. И если в литературе подобного рода мы также сталкиваемся и с женщинами-искусительницами, представляющими потенциальную опасность для героя, это не следует понимать исключительно в примитивном и прямом смысле, то есть лишь как плотский соблазн. Скорее, это необходимо разумеать в высшем смысле, как указание на опасность, что героическая эпопея может привести к титаническому падению. В таком случае женщина представляет соблазн трансцендентной власти и знания, когда обладание ими означает прометеевскую узурпацию и алчную гордыню. Иной, противоположный аспект может быть связан с тем, что некоторые зовут «смертью, исходящей от женщины», означающей потерю глубинного принципа мужественности.

³⁰ Отсюда становится очевидным смысл выражения «Сын вдовы», которое, имея своим истоком иранскую традицию и манихейство, сохранилось даже в западном франкмасонстве.

Глава 7. Гиперборейский мотив

Иное фундаментальное традиционное учение, каковое мы рассматривали в другой работе, опираясь на соответствующие источники,³¹ повествует о расположении центра или места изначального пребывания олимпийской цивилизации Золотого Века в бореальном или нордическо-бореальном регионе, каковой впоследствии стал необитаем. Представлением о гиперборейском истоке, в его изначальной олимпийской форме или в новых проявлениях героического типа, руководствовались, создавая свои цивилизации, расы, которые заселяли евразийский континент на протяжении неолитической эпохи, начиная с окончания ледникового периода. Некоторые из этих рас, очевидно, напрямую происходили с Севера, иные, по всей вероятности, имели своей родиной западно-атлантические земли, в которых возникло нечто вроде подобия северного центра. Вот почему схожие друг с другом символы и отголоски памяти отсылают то к северо-арктическим, то к западным областям.

Среди множества обозначений гиперборейского центра, которые впоследствии применялись и для именованя центра атлантического, были Туле, «Белый Остров» или «Сияющий Остров» (индуистская Света-двипа, остров Левка у эллинов,³² «изначальный исток арийской расы» или Арьяна Вэджа в древнем Иране), а также «Земля Солнца» или «Земля Аполлона», то есть Авалон. Созвучные друг другу воспоминания, имеющиеся во всех индоевропейских традициях, содержат рассказ (впоследствии превратившийся в миф) об исчезновении этого места в результате наступления ледникового периода или потопа. Таково подлинное, историческое соответствие разнообразных аллюзий на нечто, что, начиная с определённого периода, предположительно было утеряно или стало сокрытым и потаённым. В этом также заключается и причина того, почему «Остров» или «Земля Живых» (слово «живой» в данном случае относится к представителям изначальной божественной расы), каковая есть место, обозначаемое хорошо известными символами Высшего Центра мира, также отождествлялось с «областью мёртвых» (под «мёртвыми» здесь имеются в виду представители угасшей расы). Так, к примеру, согласно кельтским преданиям, изначальным прародителем человечества был бог смерти (Диспатер), каковой обитает в отдалённой области по ту сторону океана, на тех «дальних островах», откуда именно и явились, согласно учению друидов, некоторые доисторические обитатели Галлии.³³ Более того, в соответствии с классической традицией, владыка сей земли, царь Золотого Века, Кронос-Сатурн, будучи низвергнут с трона и кастрирован (то есть лишён порождающей силы, способности дать жизнь новому поколению), всё ещё продолжает жить, хотя и погружён в сон, в области, расположенной на Крайнем Севере, вблизи Северного ледовитого океана, каковой зовётся также морем Кроноса.³⁴

Отсюда могла возникать та или иная путаница, однако, по сути своей, в образах скрытой либо невидимой области или центра на протяжении всей сверхистории передавалось знание, связанное с гиперборейским мотивом. В связи с нашим исследованием необходимо кратко рассмотреть ту форму, каковую эти воспоминания принимают в кельтском, в особенности, ирландском цикле: традиции, касающиеся Авалона, Туата де Дананн и королевства Артура. Данные традиции выходят за пределы конкретного времени и места; зачастую даже имеющиеся

³¹ *Восстание против современного мира*, гл. 24-26.

³² В частности, в традиции, связанной с Диодором Сицилийским, *Λευκή Νησος* или Белый Остров отождествлялся с областью гипербореев; он находился в океане, напротив земли кельтов; также он именовался островом Аполлона.

³³ Ирландское название «Земля под волнами», *Tírfa Tonn*, применявшееся к образу данной области, несёт в себе воспоминание о её погружении в воду и затоплении.

³⁴ Здесь имеется в виду страна Туле, которая, согласно Страбону, находилась в шести днях плавания от побережья Британии, вблизи от замёрзшего моря. В контексте упоминания героев изначальной эпохи вызывает интерес традиция, по которой Кронос, будучи царём того века, зачастую выступает также как царь героев. (Гесиод, *Труды и дни*, 168-71)

в них географические сведения носят исключительно символический характер, чему имеется множество примеров.

Глава 8. Традиция в Ирландии

Легендарная история Ирландии основывается на событиях, относящихся к вторжению на остров рас, кои являлись из таинственного североатлантического центра, куда они впоследствии порой и возвращались. *Historia britorum* зачастую именует его Гиберией, однако, на самом деле это название есть лишь вольное переложение ирландских слов *Magh-Mo*, *Tragh-Mor* или *Magh-Mell*, обозначающих «Землю Мёртвых», то есть изначальный североатлантический центр. С оными расами связано множество историй: они пребывали в извечной вражде с фоморами, гигантами или тёмными чудовищными существами, которые в христианизированных версиях легенд недвусмысленно отождествлялись с допотопными великанами или дикими тварями, произошедшими от Сима и Каина. Эти фоморы эквивалентны сущностям «стихийной природы» или гигантам, бывшим смертельными врагами асов, «божественных героев» в нордической традиции *Эдды*. Фоморы – тёмные теллурические силы, связанные с периодом Бронзового Века и имевшие отношение к глубинам вод (в ольстерском цикле), которые ранее символизировались образом Посейдона. Иными словами, они соответствуют силам изначальной эпохи, материализованным и выродившимся в титаническом смысле. Этот последний момент прослеживается в кельтской традиции в свете того, что, согласно верованиям, король фоморов Тетра родом из таинственной земли по ту сторону океана, а башня Конана (другого фоморского владыки), которая располагалась на «Стеклянном Острове, что посреди моря», есть, в конечном счёте, очевидный символ изначального центра.

В любом случае, фоморы, как существа тёмной теллурической природы, были повержены первой волной завоевателей Ирландии, относящихся к расе Партолона и прибывших на остров из атлантического региона. Со временем раса эта угасла, и за ней из тех же мест пришёл другой народ, народ Немеда. Это наименование, происходящее от кельтского корня, означающего «небесные», а также «древние», «благородные» и «священные», позволяет нам расценить новую, связанную с данным народом эпоху, как проявление силы представителей изначальной традиции, сохранившей свою чистоту, своё олимпийское достоинство.

На протяжении эпохи Немеда имел место символический эпизод, аналогию коему можно отыскать в *Эдде*. В этой последней асы или «божественные герои» обратились к стихийным сущностям с просьбой помочь им в восстановлении Асгарда, крепости центрального региона Мидгарда. В качестве воздаяния за работу великаны потребовали божественную женщину Фрейю, а также солнце и луну. Результатом отказа (асы воспротивились подобной узурпации высшей силы, бывшей следствием их обращения к стихийным сущностям) стала война, завершившаяся фатальными «сумерками богов». Также и Немеда, в ирландском цикле, нанимает фоморов, чтобы построить крепость, однако затем, испугавшись, что они могут её захватить, их уничтожает. Однако это не принесло пользы, поскольку род Немеда прервался, будучи истреблён фоморами, обосновавшимися в Тор Инис, крепости на острове к северо-западу от Ирландии. Здесь при попытке восстания и погибли потомки Немеда, точно так же как в *Эдде* в войне против стихийных сущностей асы поначалу потерпели поражение. В обоих случаях мы, по всей видимости, сталкиваемся с изображением наступления «титанического» цикла, утверждающегося на руинах цивилизации, что ведёт своё непосредственное происхождение от изначальной эпохи.

В этой точке развёртывания ирландской легендарной традиции мы встречаемся с попыткой героической реставрации. Мы имеем в виду цикл Туата де Дананн, чьё имя переводится как «племена богини Дану». Согласно верованиям, раса эта, с одной стороны, пришла в Ирландию с «небес» – отсюда, как гласит *Leabhar na h-uídhre* (*Книга бурой коровы*), «их мудрость и величие их знаний». С другой стороны, верили, что они овладели сверхъестественными зна-

ниями в гиперборейском регионе.³⁵ Две эти версии не противоречат друг другу, но, наоборот, друг друга проясняют, благодаря указанию на сверхчеловеческий характер изначального центра и тому факту, что, согласно легенде, народ Туата происходит от выживших потомков расы Немед. Эти последние, предположительно, направились к гиперборейским или западно-атлантическим землям, дабы обрести сверхъестественное знание, чем объясняется их связь с некоторыми мистическими предметами, подробней о которых скажем позже.

Поскольку народ Немед являлся «небесной» и «древней» расой, уничтоженной с наступлением титанической эпохи, в общем смысле это могло бы означать восстановление контакта с изначальным духовным центром (центром, с одной стороны, небесным, с другой – как воспоминание о географическом месторасположении – гиперборейским или западно-атлантическим). Этот контакт воскрешает героическую форму и придает её новому племени, Туата де Дананн, которое впоследствии одержало победу над фоморами и сходными с ними расами (фирболгами) и завоевало Ирландию.³⁶ Вождь Туата де Дананн, Огма, есть «солнечная» фигура (Гриан Айнех), наделённая теми же чертами, что и дорический Геракл, и в его руках, в конце концов, оказывается меч короля фоморов.

Тем не менее, правлению Туата также пришёл конец. *Leabhar gabhala* (*Книга завоеваний Ирландии*) упоминает прибытие в Ирландию новой расы, расы «сыновей Миль», чья суть не совсем ясна. В этой расе преобладал воинский элемент – очевидно, что имя Миль имеет тот же корень, что и *miles* (воин) – кроме того, она не была чужда остаткам высшей традиции, принадлежавшей предшествующему циклу, эпохе Туата де Дананн. Так, у новой цивилизации мы обнаруживаем символизм «центрального местоположения». У этого народа было феодальное общество, в котором высшая королевская власть находилась в Таре, «Срединной Земле» (Миде), каковая также была сакральным центром и у Туата де Дананн. Вступление на престол их короля освящалось «камнем судьбы» (*Лиа Фаль*), подробнее о коем позже. Это также было характерно и для традиции Туата. Что же касается самих Туата, то, согласно некоторым текстам, они предположительно покинули страну, сделавшись якобы невидимыми и поселившись в чудесных «подземных» дворцах или горных пещерах, недоступных для простых смертных, среди коих они являются лишь в исключительных случаях. Согласно иным преданиям, они вернулись обратно в Авалон, на свою изначальную родину.³⁷

В соответствии с отмеченным ранее, эти версии являются тождественными, поскольку здесь имеются в виду два различных обозначения изначального центра, каковой стал сокрытым («подземным») и недоступным. В кельтской традиции к оному центру продолжал применяться образ атлантического «острова» Авалона. В позднейшие времена этот остров рассматривался главным образом как место, в котором живут женщины, увлекающие туда героев, дабы даровать им бессмертие. Название Авалон толковалось на основании кимрского слова *afal*, что значит «яблоко» или «Остров яблок».³⁸ Естественно, это позволяет вспомнить остров Гесперид, что «по ту сторону океана», с его символическими золотыми яблоками, которыми завладел Геракл в очередном своём подвиге, завоевав себе тем самым олимпийское бессмертие. Сверхъестественные женщины острова Авалон, по всей видимости, обладают даром исце-

³⁵ *Битва при Маг Туиред*, 1-3.

³⁶ Здесь мы могли бы упомянуть традицию, идущую от Плутарха, согласно которому, в полярных землях люди Геракла (героический цикл), как полагают, смешались с народом Кроноса (изначальный цикл), создав цивилизацию, «подобную эллинской» (олимпийско-героическую цивилизацию, чьим символом был Геракл): «Так, особо же почитали Геракла, а вслед за ним – Кроноса» (*О лике, видимом на диске Луны*, 26)

³⁷ С. Squire, *The Mythology of Ancient Britain and Ireland*, London, 1909. Традиция Туата получила определённое продолжение в героическом ольстерском цикле, чьи представители рассматривались как их потомки, кои, подобно греческим героям, наделены солярными чертами.

³⁸ От женщины с далёкого острова Кондла получил яблоко, которое, сколько бы кто от него не откусил, всегда оставалось целым. Кроме того, сие яблоко пробуждало в нём нестерпимую ностальгию. Сходная вариация сюжета о роге изобилия имеет место также и в легендах о Граале, равно как и ностальгия, кою последний вызывает у тех, кто хоть раз его созерцал.

ления: в легенде о Тир на Ног они провозглашают, что в их землях «нет места ни смерти, ни старению тела» и что здесь герой Ойсин станет «Королём Вечной Юности».³⁹

В то же время Авалон, «Белый Остров»,⁴⁰ наделён достоинством «полярного» и «солнечного» острова. Согласно иной возможной этимологии, Авалон есть не что иное, как остров Аполлона, греческого бога, коего кельты именовали Аблун или Белен; таким образом, этот остров является солнечной землёй и гиперборейской областью, поскольку Аполлон рассматривался также как солнечный царь Золотого Века и гиперборейского региона.⁴¹ Последующее отождествление одного острова со «Стеклянным Островом» проистекает от общего символизма стеклянных или даже воздушных стен, обозначающего невидимую защиту, окружающую некоторые места и препятствующую доступу к ним, а также, согласно символизму иного рода, от образа вращающейся огненной стены, окружающей остров. Всё это суть вариации темы незыблемости и нерушимости, исконных характеристик Высшего Центра.

Текст, известный как *Битва при Маг Туиред* (строфы 3-6), сообщает, что Туата принесли с собой из североатлантического региона четыре предмета, каковые имели непосредственное отношение к полученным ими там знаниям: камень, копье, меч и котёл. «Камень судьбы» или «королевский камень», названный так, поскольку, выступая в роли своего рода оракула, позволял распознать среди различных претендентов на трон легитимного короля. Копье Луга, бога грома, о коем говорили, что «тот, кто владел им, не проигрывал ни одной битвы». Невидимый и неотвратимый меч Нуаду. И, наконец, котёл Дагды, способный волшебным образом насытить своим содержимым любое число воинов. Эти предметы, принадлежавшие Туата, находят своё новое воплощение в цикле легенд о Граале, так же как и местопребывание Грааля оказывается тесно связанным с тем же самым Авалоном, «Белым Островом».

В традициях, собранных в *Анналах Четырёх Учителей*, мы со всей очевидностью обнаруживаем тему борьбы и победы как своего рода испытания. Здесь постоянно встречается формулировка: «Король X пал в бою с Y, который стал королём вместо него». В своём глубинном значении она даёт нам возможность вспомнить легенду о Короле Немейского Леса, каковую мы рассмотрели в своей работе *Восстание против современного мира*. Согласно этой легенде, победа над неким лицом и его убийство ведёт к прямому и непосредственному наделению победителя царским и жреческим достоинством, коим обладал побеждённый, а также получения им статуса жениха «божественной женщины».⁴² Средневековые рыцарские романы полны вариаций на эту тему: успешное испытание оружием означает, зачастую почти автоматически, обладание женщиной, коя переходит от одного героя к другому. На основании так называемого права любви, каковое соответствует этике литературы такого рода, вполне естественным для рыцаря считается желать жены собственного господина, если он верит, что лучше его и способен доказать это в поединке.⁴³

Согласно *Historia regum britanniae*, изначально Британия была населена гигантами. Главного среди них звали Гоэмагот (*Goemagot*). Брут, коего рассматривали как потомка троянцев, основавших Рим, истребил великанов и положил начало британской традиции. Гоэмагот, очевидно, соотносится с Гогом и Магогом, что, в действительности, являет собой существенный библейский отголосок. Гог и Магог были демоническими племенами, коим предназначено сыг-

³⁹ Слово *avallach* означает «яблоко, дарующее бессмертие».

⁴⁰ Наименования Альбион, кое применяют для обозначения Англии, и Албания, каковое относится к одной из её частей, происходят от проекции на эти земли образа Белого Острова или Острова Сияния. В индуистской традиции место пребывания Вишну, солнечного бога, несущего гиперборейский крест или свастику, именуется *Sveta dvipa*.

⁴¹ Одним из образов земли, о коей я веду речь, является так называемая *ten-magh-trogaigi*, каковая обладает следующими атрибутами центрального места: женщина царского достоинства, серебряное дерево с солнцем на вершине, древо победы, фонтан, чаша, чьё содержимое никогда не иссякает. Все эти символы вновь появляются в рыцарских сагах.

⁴² *Восстание против современного мира*, гл. 2.

⁴³ В *Рыцаре телеги* жену Артура обещают рыцарю, кой сможет победить короля в схватке.

рать важную роль в имперском мифе. Они соответствуют фоморам, «стихийным сущностям», или *турсам*, каковым «божественные герои» *Эдды* (то есть асы) преградили путь стеной, дабы не допустить захвата ими «Центрального Места», Мидгарда, коий есть отдельная репрезентация изначального центра. В определённом смысле они являются выражением демонического характера мира масс.

Анналы Четырёх Учителей упоминают несколько восстаний против священной династии Туата де Дананн, а также против последней воинской династии сыновей Миля. За этими мятежами стояла раса Фир Домнан или «народ бездны», теллурическая раса, связанная с выродившимися остатками предыдущих обитателей Ирландии, наподобие фирболгов. Под конец, мы обнаруживаем свидетельство о «плебейской расе» (*aithe-ach-tuatha*), которая во время праздничных торжеств совершает убийство знати и которая сподвигает Четырёх Владык восстать против высшего властелина Центральной Области. В качестве наказания за учинённое насилие страна подверглась всеобщему опустошению, сопровождавшемуся разнообразными бедствиями: в итоге, королевство будет оставаться в состоянии запустения, пока сын последнего короля, низвергнутого и умерщвлённого, не явится обратно в землю своего отца. В восточной легенде об Александре Великом опустошение и иссыхание «всех вод, такое ужасное, что не останется, в итоге, пригодной для питья воды» будет свидетельствовать о временах пришествия племён Гога и Магога. То же самое происходит и в королевстве Грааля, ставшем *Gaste Terre*, землёй, разорённой в результате Рокового Удара, и так будет до тех пор, пока не явится герой, несущий возмездие и восстановление. Рассмотренный корпус древних традиций и кельтских дохристианских символов являет нам принципиальные моменты, которые найдут своё новое воплощение в цикле Грааля. Следующим звеном в данной цепи будет легенда о короле Артуре.

Глава 9. Предание о короле Артуре

В любом варианте данной легенды историчность Артура (каковой, предположительно, являлся *dux bellorum*⁴⁴ северных кимвров в их борьбе с англосаксами между V и VI вв. н. э.) отходит на второй план в сравнении с тем аспектом, благодаря которому мы можем увидеть в его царствовании воплощение центральной королевской функции, связанной с сугубо гиперборейской традицией, функции, коя, по сути, в своём символическом и сверхисторическом измерении, обретает ценность сама по себе. Таким образом, связь королевства Артура с собственно Англией представляется несущественной; наоборот, в средневековой литературе оное королевство носит скорее наднациональный характер, объёмля лучших рыцарей, независимо от их происхождения. Влияние этих преданий на героическое средневековое христианство было столь велико, что оно рассматривало Артура как своего символического вождя, и каждый рыцарь стремился быть принятым в мистический орден короля Артура, что уже является особо значимым фактом.

Имя Артур допускает различные толкования, из которых наибольшего доверия заслуживает то, кое выводит его из кельтских слов *arthos* (медведь) и *viros* (человек). Ненний поясняет: «*Arthur latine sonat ursum horribilem*» [«Артур» по-латыни означает «ужасный медведь»].⁴⁵ Такое указание на грозную мужскую силу связано с символизмом гиперборейского происхождения и в то же время указывает на представление о функции центра или «полюса». Фактически, медведь являет собой один из священных образов древнего нордического культа и в равной мере, сообразно астрономической символике, соответствует «полярному» созвездию Большой Медведицы. Кроме того, корпус традиционных сведений, в конечном счёте, устанавливает связь этого созвездия (вместе со свойственным ему символизмом полюса или центра) и Туле, названия гиперборейского «Белого Острова», то есть сакрального центра.⁴⁶ Таким образом, в фигуре Артура сходятся полярный, гиперборейский и королевский элементы. Исключительно мужской и воинский аспект Артура как *ursus horribilis* уравнивается присутствием в легендах его своеобразного дополнения или противоположности в лице Мирддина или Мерлина, каковой олицетворяет духовное знание и могущество. При этом его скорее стоит рассматривать не как отдельного персонажа, но как воплощение трансцендентной и духовной стороны самого Артура.⁴⁷

Тесная связь воина с духовными принципами в равной мере характеризует придворное рыцарство короля Артура и смысл наиболее типичных приключений, приписываемых его представителям. Рыцари Круглого Стола, то есть короля Артура, суть не просто воители:

«И были они избраны к тому, чтобы составить братство Круглого Стола, что считалось ими более благословенным и почётным, нежели завоевали бы они полмира; и оставили они каждый своих отцов и матерей, и всю родню свою, и жён своих, и детей, дабы стать Братством».⁴⁸

Сам Грааль может представлять собой трансцендентный элемент, посредством коего сие рыцарство обретает свою завершённость: это явствует из тех версий легенды, в коих королевство Артура отождествляется с царством Грааля. В данной связи уместно будет вспомнить эпизод, связанный с камнями Стоунхенджа, каковой всё ещё существует и чьё происхождение

⁴⁴ Военный вождь (лат.). – Прим. пер.

⁴⁵ S. Singer, *Die Arthur Sage*, Bern-Leipzig, 1926, 17.

⁴⁶ R. Guenon, *Le Roi du monde*, ch. 10.

⁴⁷ Помимо прочего, Медведем (*Bjorn*) в нордической традиции именуют Тора, одного из небесных героев или асов, борющихся со стихийным существами; в *Sage об инглинггах* облик медведя и волка принимает Один, высший вождь Валгаллы и Мидгарда, то есть «Центра».

⁴⁸ *Смерть Артура*, 14.2.

вызывает интерес и недоумение, поскольку остаётся тайной, как можно было обработать эти гигантские блоки и перенести так далеко от тех мест, где они добывались; эти камни, по всей видимости, являются остатками грандиозного солнечного храма, чьё возникновение теряется в мегалитической или даже неолитической эпохе. Мерлин, приказывая своим воинам принести столь огромные камни с высоких гор, говорит: «За дело, храбрые воители, и вы узнаете, когда будете катить эти камни, что сильнее, тело или дух». Воины оказались не способны выполнить это задание, Мерлину же оно было по силам, он справился с ним играючи и с усмешкой. То, что воинская добродетель в легендах об Артуре связана с духом, видно из следующего призыва, содержащегося в уже упомянутом тексте, *Historia regum britannie*: «Сражайтесь за вашу страну и, если придётся, приветствуйте смерть, ибо смерть есть победа и освобождение души». Это в точности совпадает с древней идеей о *mors triumphalis*,⁴⁹ каковая есть основополагающий момент в этике героических традиций.

Согласно легенде, Артур явил своё неоспоримое право быть легитимным королём всей Англии, пройдя так называемое испытание мечом, а именно, когда успешно извлёк меч из огромного квадратного камня, находившегося в алтаре храма, каковой камень с очевидностью можно считать вариацией «камня царей» из древней традиции Туата де Дананн.⁵⁰ В данном случае мы встречаемся с двойным перекликающимся символизмом. С одной стороны, перед нами общий символизм «краеугольного камня», отсылающий к идее полюса; таким образом, мы имеем аллереорию и миф, предположительно относящиеся к мужской силе (обозначаемой мечом), каковую необходимо извлечь из этого принципа. С другой стороны, изъятие меча из камня может также символизировать высвобождение некоей силы из-под власти материи, поскольку камень зачастую выступает в качестве образа последней.

Помимо прочего, оно согласуется и с другим сюжетом этой легенды, когда введомый Мерлином Артур обретает меч Калибурн или Эскалибур, коий держит таинственная рука, выступающая над водами.⁵¹ Но оружие сие, будучи выковано в Авалоне, связано с Высшим Центром; его пребывание над водой символизирует силу, независимую от условий материальной, руководимой страстями и ограниченной жизни, к коей всегда относится основополагающий аспект символизма вод. Подобная жизнь должна быть преодолена, и не только теми, кто ожидает признания своей королевской власти со стороны «центра», дабы стать вождями человечества в высшем смысле, но также и любым рыцарем, желающим сподобиться принятия в число соратников Артура и, в конечном итоге, вновь обрести Грааль.

Среди тем, присущих древней британской традиции, мы опять хотели бы вернуться к вопросу Круглого Стола и места пребывания Артура. Касательного последнего, мы вновь постоянно сталкиваемся с известными символами недоступной земли: согласно Андрею Капеллану, королевство Артура отделено от человеческого мира широкой рекой, и попасть туда можно лишь по опасному мосту. Защищают королевство великаны, а в нём самом есть непрерывно вращающийся замок. В оном замке, который зовётся «королевским» (Каэр Ригор) или «замком богачей» (Каэр Голуд), находится сверхъестественный сосуд, каковой, согласно традиции *Сокровища Аннуна*, король Артур забрал у владыки «иног мира». Этот сосуд – коий, подобно Граалю в замке «богатого» короля, есть точная копия котла Дагды, одного из символов гиперборейской традиции Туата де Дананн – способен «насытить» каждого, исцелить любую рану и защитить от воздействия времени, лишь трусы и клятвопреступники не могут сподобиться его даров.

⁴⁹ Триумфальная смерть (лат.). – Прим. пер.

⁵⁰ В нордическо-германской саге Зигфрид успешно прошёл сходное испытание: он достал из дерева заключённый в нём меч, то есть совершил действие, на кое не был способен никто другой.

⁵¹ *Смерть Артура*, 1.25.

Такое место, как вращающийся замок (Каэр Сиди), есть то же самое, что и «крутящийся остров», каковой в древних кельтских сагах зачастую являет собой эквивалент Стеклянного Острова и, в целом, Авалона; здесь мы определённо обнаруживаем аллюзию на полярный регион, кой обращается вокруг своей оси и увлекает в своё вращение весь мир. Это очевидное указание на образ Правителя Вселенной (*чакравартина*), чьё именование буквально означает «тот, кто вращает колесо», то есть, в данном случае, тот, кто, как недвижимый центр, движет колесо *царства* и упорядочивает вселенную.

Те же самые идеи обнаруживаются в символизме Круглого Стола, созданного Артуром по совету Мерлина в качестве отличительного знака рыцарского ордена, чьим верховным лидером он был. Согласно произведению сэра Томаса Мэлори, Круглый Стол был построен как образ мира; в нём, как верили, отразилась вся вселенная, мир земной и мир небесный.⁵² В других текстах он соотносится с расположением созвездий и символизирует вращение небесных сфер вокруг недвижимого центра. Отсюда становится совершенно понятно, что рыцари, сидевшие за Круглым Столом, выступают в качестве персонификации упорядочивающей силы центра.

В различных легендах этих рыцарей Круглого Стола или, по крайней мере, лучших из них, насчитывается двенадцать; это явно соответствует двенадцати пэрмам, которые в *Roman de Brut* «поделили землю на двенадцать частей, и каждый из них взял одну часть себе во владение, назвавшись её королём». Двенадцать – это солярное число, которое всегда проявляется, пусть и в различной форме, там, где утвердили или пытаются утвердить традиционный центр: например, двенадцать тронов Мидгарда, двенадцать высших олимпийских богов, двенадцать деревянных шестов в дельфийском святилище, двенадцать ликторов Рима, двенадцать обитателей Аваллона и двенадцать графов-паладинов Карла Великого. Более того, в цикле легенд о Граале и короле Артуре подобный символизм связан с мотивом Опасного Места (*Siege Perilous*), места за Круглым Столом, нарочно оставленного свободным и предназначенного для ожидаемого и предопределённого рыцаря, превосходящего всех прочих и иногда описываемого как тринадцатый рыцарь, каковой с очевидностью соответствует той же высшей функции центра, вождя или полюса тех двенадцати, который будет образом или воплощением *чакравартина* или Правителя Вселенной.⁵³

Естественно, когда возникает сюжет об Опасном Месте, на ум приходит мысль об упадке артурова королевства или деградации его представителей, так что в итоге возникает потребность в восстановлении. Теоретически, именно в этот момент рыцари Круглого Стола отправляются на поиски Грааля и именно в этом пункте оказываются неразрывно сплетены, в соответствующей литературе, события, связанные с Граалем, и приключения рыцарей короля Артура. Говоря в целом, королевство Артура отождествлялось с Локрисом или Логром, древним обозначением Англии, наподобие «Албании» или «Белого Острова», каковой рассматривался в качестве местопребывания Грааля. Рыцари Артура отправились на поиски Грааля, дабы восстановить королевство в его былом великолепии и разрушить магические чары, кои, согласно *Мабинोगиону*, пагубно воздействовали на страну. Грааль есть символ того, что было утеряно и должно быть обретено вновь. Некто должен позаботиться о том, чтобы Грааль снова явил свои качества; и зачастую этот некто и есть тот рыцарь, что займёт Опасное Место.

Вдобавок ко всему этому, король Артур является как бы в двух ипостасях. С одной стороны, есть свехисторический Артур, символизирующий функцию, с другой, есть Артур, который, будучи историческим воплощением этой функции, является центром событий, принимающих фатальный оборот, и которые могут быть соотнесены с древними сказаниями, повествующими о гибели и исчезновении Туата де Дананн и их потомков. Здесь, не вдаваясь в

⁵² Там же, 14.2.

⁵³ Это могло бы навести на мысль о Христе и его двенадцати апостолах. Действительно, уподобления подобного рода встречаются в христианизированных фрагментах легенды. Тем не менее, этот символизм универсален и намного старше христианства, его использование христианством есть лишь адаптация в соответствии с религиозным контекстом.

подробности, мы кратко остановимся на финале древней легенды об Артуре, в котором обнаруживается возвращение к символизму женщины.

Два персонажа пытались похитить даму Артура, Квеннувар (то есть Гвиневеру, чьё имя означает «белый дух», что подчёркивает её символический характер). Первым из них был Мэлвас, который увез её в свой город, Гластонбери, отождествляемый со Стеклянным Городом посреди океана и Авалоном (*Glastonia, id est, urbs vitrea – etiam insula Avalloniae celebriter nominator* [Гластония, то есть стеклянный город, часто именуемый «островом Авалон»]). В результате, Стеклянный Остров подвергся осаде, но всё, в конце концов, удалось уладить миром. Здесь в легенду просачивается христианский элемент, поскольку по сюжету Артур, предположительно, возвращает остров во владение церкви, даруя ему неприкосновенность. В действительности же, это вновь указывает на попытку христианской традиции подменить собой традицию кельто-гиперборейскую, инкорпорировав в себя все её основные темы. Гластонбери был одним из основных центров распространения христианства в Англии; дабы обрести больший престиж, он пытался абсорбировать в христианской форме предшествующие нордическо-кельтские традиции. Согласно *De antiquitate glastoniensis ecclesiae*, основному источнику по истории церкви тех лет, Гластония или Гластонбери изначально именовался *ugnis gutrin*, *ugnis* в бретонском означает *insula*, а *gutrin* – *vitrea*; с прибытием англосаксов он стал именоваться *Glastiburi* (от *Glas* = *vitrum* и *buria* = *civitas*), или *Glastiberia*.⁵⁴ История дарения Артуром острова церкви служит своего рода оправданием для «преемственности традиции», сфабрикованной христианскими миссионерами. Но подделки на этом не заканчиваются: касательно вышеупомянутого трагического финала древней легенды, утверждалось, что Артур мёртв и его гробница находится в Гластонбери. Так, древний центр получил новое воплощение, уже в качестве центра распространения христианства.

Вторым был племянник Артура Модред. Пока дядя пытался создать свою легендарную мировую империю и даже завоевать Рим, дабы увенчать там себя императорской короной, Модред, который остался дома, узурпировал власть и овладел его дамой Гвиневерой. В последовавшей за этим войне предатель был убит, однако гибель настигла и лучших рыцарей Круглого Стола. Сам Артур получил смертельную рану и был увезён в Авалон, дабы его обитательницы исцелили короля и он мог завершить свою миссию.⁵⁵ Однако раны Артура (особенно та, что, согласно некоторым авторам, получена от отравленного копья) вновь и вновь открываются каждый год, и верные соратники короля напрасно ожидают его возвращения в родные земли. Но, как гласит традиция, однажды Артур вернётся из Авалона, чтобы вновь обрести своё царство: вот почему бритты с тех пор не желали признавать своим королём никого другого.⁵⁶ В других версиях легенды – например, в *Otia imperialia* Гервасия из Тилбери – Артура изображали лежащим в постели в чудесном месте, расположенном на вершине горы. Согласно иным источникам, по преимуществу христианским, Артур «умер» и его тело погребено в аббатстве Гластонбери, кое, как мы уже видели, отождествлялось с самим Авалоном.

⁵⁴ Сам по себе Гластонбери в доисторические времена являлся центром примордиальной традиции, как о том свидетельствуют останки своего рода огромного звёздного храма, в частности, следы на почве изображений, представляющих созвездия и расположенных по кругу.

⁵⁵ В *Смерти Артура* (21.7) читаем: «В разных местах в Англии кое-кто говорит, что король Артур не умер, но по воле Господа нашего Иисуса был перемещён в иное место; и говорят также, что он вернётся снова и завоюет святой крест. Я не стану утверждать, что так оно и будет, но скажу, что здесь, в мире нашем, жизнь его изменилась. Однако многие говорят, что на могиле его написано следующее: «*Hic iacet Arthurus, Rex quondam Rexque futurus*» [Здесь лежит Артур, король былого и грядущего]. В том же тексте говорится о пожелании раненого Артура вернуть его меч таинственной руке, ранее державшей его над водами; это явное свидетельство сложения своих полномочий.

⁵⁶ Здесь присутствуют дальнейшие пересечения с уже упоминавшимися мотивами (подробнее о коих далее), а именно, с той версией саги, согласно которой, Артур вернётся из Авалона, дабы принять участие в решающем сражении с врагами бриттов, и эта схватка будет, по всей видимости, «последней битвой» (см. Nativissus, «Le mythe arthurien et la legend de Merlin», *Ogam*, issues 6, 10, 13 [1950]).

Всё это может свидетельствовать о кризисе и крушении царства, что последовали за поисками Грааля. В то же время здесь мы обнаруживаем иной фундаментальный сюжет цикла Грааля: раненого короля, который ждёт исцеления в таинственном недоступном месте, дабы он вновь мог «вернуться». Кроме того, стоит вспомнить иную тему, с которой мы сталкивались, рассматривая кельтские саги, а именно, царство, подвергшееся разорению и опустошению вследствие плебейского восстания или ранения короля, нанесённого копьём или пылающим мечом.

Глава 10. Имперская сага и Правитель Вселенной

Если рассмотреть сагу об Артуре в вышеупомянутой перспективе, она предстанет как одна из многочисленных форм общего мифа об Императоре или незримом Правителе Вселенной и его воплощениях. Этот сюжет прослеживается с древнейших времён и имеет отношение к доктрине «циклических воплощений» или *аватар*, то есть воплощений, в особые времена и в различных формах, единого принципа, который в промежуточные периоды существует в непроявленном состоянии.⁵⁷ В образе Артура постоянно обнаруживаются черты, свойственные такому воплощению. В легендах это подчёркивается утверждением, что он не умер, но удалился в недоступное место, откуда однажды явится вновь, или что он спит и когда-нибудь проснётся. И, точно так же как свехисторический элемент в подобных случаях накладывается на элемент исторический, превращая подлинного персонажа в символ, имеет место и обратное, когда имена таких реальных фигур порой сохраняются в веках, до сих пор обозначая нечто, наделившее их трансцендентным смыслом.

Образ царственного лица, находящегося в состоянии сна или предполагаемой смерти, родственен фигуре кастрированного, раненого, парализованного короля, однако, это относится не к самому непостижимому принципу, но к его внешнему историческому проявлению. Отсюда проистекает сюжет с раненым, увечным или ослабленным королём, продолжающим жить в недоступном центре, над которым время и смерть не имеют власти.

Не повторяя то, что уже обсуждалось нами в других работах, мы, дабы дать общее и универсальное представление относительно рассматриваемого контекста, всё же упомянем некоторые типичные формы, в которых указанный символизм выражался в древние времена.

В индуистской традиции мы встречаем сюжет о Махакашьяпе, который спит в горе, однако, должен проснуться при звуках раковин, кои возвестят новую манифестацию принципа, ранее проявлявшегося в образе Будды. Это будет время пришествия Правителя Вселенной (*чакравартина*) по имени Шамкха. Поскольку *шамкха* означает «раковина», эта словесная ассимиляция выражает идею пробуждения ото сна нового воплощения Царя Мира и самой изначальной традиции, кою упомянутая легенда представляет как сокрытую (в промежуточные периоды кризиса) именно в раковине. Сходная иранская традиция упоминает героя Керсаспу, который, впад в забытие, был ранен стрелой (здесь мы вновь встречаем тот же символизм) и в течение столетий пребывает в состоянии летаргии, находясь на попечении *фраварти* (подобно раненому Артуру, за коим ухаживают женщины, сведущие в искусстве целительства). Он вернётся к жизни во время пришествия Саошьянта и будет сражаться на его стороне. Саошьянт есть владыка будущего триумфального царства Бога Света и покоритель тёмных ариманических сил: иудейское представление о Мессии и христианская идея Царствия Божьего, которые, по мнению многих, оказали существенное влияние на средневековый имперский миф, суть не что иное как отголоски этой дохристианской ариоиранской концепции.

Кроме того, мы должны упомянуть здесь доктрину Калки-аватары, связанную с историей Парашу-Рамы, одного из наиболее выразительных проявлений героической репрезентации олимпийско-гиперборейской традиции. Когда предки арийских завоевателей Индии ещё пребывали на своей северной родине, этот герой боевым топором убил нескольких восставших воинов и даже собственную мать, совершившую некий грех: это символы двойного преодоления, кое, как мы уже сказали (в конце гл. 7), характеризует «героический» дух – преодоления деградировавшей мужественности и духовности, в которой вследствие инволюции и вырождения стало доминировать женственно-материнское начало (это особенно важно с учётом того,

⁵⁷ В этой связи значимой представляется параллель, которую Ален де Лилль проводит между исчезнувшим Артуром и пророками Енохом и Илиёй, кои никогда не умирали и однажды вернутся.

что имело место между Серебряной или Лунной Эпохой (так называемой Трета-Югой) и Веком Бронзовым, Веком Титанов (Двапара-Юга).

Парашу-Рама никогда не умирал, но удалился на гору под названием Махендра, дабы вести жизнь аскета.⁵⁸ Однажды настанет время, когда, в соответствии с циклическими законами, произойдёт новая манифестация свыше (Калки-аватара), коя примет облик священного короля, который восторжествует над Тёмным Веком. Калки символически изображается как уроженец Шамбалы, так в индуистской и буддийской традициях именуют сакральный гиперборейский центр.⁵⁹ Парашу-Рама будет его духовным учителем. Получив в ходе инициации знание священных наук, Калки обретёт королевское достоинство. Шива дарует ему крылатую белую лошадь (каковая в легенде будет иметь столь важное значение, что станет идентифицироваться с самим Калки), всезнающего попугая⁶⁰ и сияющий меч. Вспомним, что Артур, как утверждают, однажды вернётся на белом коне. Кроме того, этот символ играет хорошо известную роль в *Откровении Иоанна Богослова*. Припомним также, что Экскалибур, потерянный меч, который Артур когда-нибудь вновь обретёт, время от времени поднимается со дна озера.

Ведомый птицей Калки завоюет расположение дамы; он женится на Падме или Падмавати, царской дочери, коей никто из мужчин не мог обладать, поскольку каждый раз, когда кто-то в неё влюблялся, он божественной волей превращался в женщину – сюжет, имеющий глубокое значение. Калки и его воины пройдут по поверхности моря, как по суше, поскольку волшебным образом оно обратится в камень, по которому они смогут идти. В конце концов, он возвращается на родину, в Шамбалу, кою застаёт столь изменившейся и прекрасной, что принимает за жилище Индры, царя богов и бога героев. Шамбала есть символ новой манифестации сил изначального центра; тут мы вновь обнаруживаем представителей солнечной и лунной династий, царей по имени Мару и Дева, кои, благодаря своему аскетизму, жили в Гималаях на протяжении веков, вплоть до самого начала Тёмной Эры. Здесь Гималаи рассматриваются как область, где Золотой Век длится вечно. В конечном итоге, происходит финальная битва, в которой Калки сражается против богини Кали, олицетворяющей Тёмную Эпоху, и двух главных её демонов, Коки и Викоки;⁶¹ сражение оказывается очень тяжёлым, поскольку эти демоны могут воскрешать друг друга и вновь возвращаться в бой сразу после того, как были повержены. Однако в конце Калки удаётся одержать победу.⁶²

Впоследствии мы более подробно остановимся на символических элементах, содержащихся в этой истории, в случае, если читатель пока не постиг всей глубины их значения. Здесь же мы бы хотели указать лишь на некоторые аспекты, дабы рассмотреть имперский миф о новой манифестации царства в контексте различных традиций, а также предостеречь от того, чтобы воспринимать все формы, что принимал этот миф на протяжении Средних Веков, отдельно друг от друга, особенно в односторонней зависимости от христианских веро-

⁵⁸ *Махабхарата*, 1.2, 3.116-117, 12.49, 14.29.

⁵⁹ Мотив символического рождения того, кто призван восстановить гиперборейский центр, также обнаруживается в иранской традиции, и, порой, в качестве такового рассматривается сам Заратустра, коий, согласно некоторым источникам, родился в гиперборейском регионе (Арьяна Вэджо) или основал там свою религию (см. *Bundesh Vendidad*, 23/19). Касательно же Шамбалы как места рождения Парашу-Рама можно сказать, что, несмотря на существование исторического города с таким названием вблизи Дели, это имя всегда обозначает «Северный Город», и не только в Индии, но и в Тибете; как бы то ни было, в случаях, подобных данному, любая локализация носит лишь символический характер.

⁶⁰ В средневековых рыцарских аллегориях попугай символизировал рыцарство и его борьбу против духовенства за право обладания дамой.

⁶¹ Кока и Викока выступают как очевидный эквивалент Гогу и Магогу. Ездовым животным Кали является осел, каковой традиционно ассоциируется с демоническими и антисолярными силами и так называемыми детьми бессильного бунта (см. нашу работу *Восстание против современного мира*). Более того, в городе под названием Вишасана, которым правит Кали и где она скрывается, спасаясь от Калки, в городе, который, в конце концов, будет предан огню, у власти находятся женщины. Этот сюжет выражает связь между демонизмом масс и узурпацией, осуществлённой женственной духовностью.

⁶² В *Вишну-пуране* (4.3) Калки играет роль убийцы выродившихся и осквернивших себя воинов (*млечх*), роль, в которой ранее выступал Парашу-Рама.

ваний. В конечном счёте, многие считают, что римская эпоха, в её имперско-языческой фазе, была своего рода началом нового Золотого Века, чей царь, Кронос, как полагали, продолжает жить в гиперборейском регионе, пребывая в состоянии сна. В период правления Августа пророчества сивилл предвещали явление «солнечного» короля, *rex a coelo*⁶³ или *ex sole missus*,⁶⁴ на которого, очевидно, намекал Гораций, когда говорил о пришествии Аполлона, гиперборейского бога Золотого Века. Вергилий также, по всей вероятности, имел в виду этого царя (*rex*), провозглашая скорое наступление Золотого Века, века Аполлона, века Героев.⁶⁵ Именно в таком духе виделось Августу его символическое «происхождение» от Аполлона; феникс, коего часто обнаруживали на изображениях Адриана и Антонина, также находится в тесной связи с идеей воскрешения изначальной эпохи в облике Римской Империи. Ощущение связи Рима со сверхисторическим и метафизическим принципом *imperium* может, в конце концов, рассматриваться как основание самой доктрины о том, что Рим есть нечто непреходящее и вечное (*aeternitas*), будучи доказательством реализации уже упоминавшейся возможности воплощения этого принципа в те или иные специфические исторические формы.

Во времена Византии имперский миф, переработанный Мефодием, каковой связал его с легендами об Александре Великом, также принял на вооружение некоторые из рассмотренных нами мотивов. Здесь мы вновь находим тему царя, считавшегося мёртвым, но пробудившегося ото сна, дабы основать новый Рим; после его непродолжительного правления опять восстают народы Гога и Магога, коим Александр преградил путь, и происходит «последняя битва».⁶⁶

Эта же идея обретет новую жизнь и всестороннее развитие в гибеллинском движении Средних Веков. Ожидаемый император, который никогда не умирал, но сокрылся, удалившись в незримый или недоступный центр, обретает здесь черты того или иного из важнейших правителей Священной Римской Империи: Карла Великого, Фридриха I или Фридриха II. Сопутствующая тема разорённого или опустошённого королевства, ожидающего возрождения, находит своё отражение в сюжете о *Сухом Древе*. Сухое Древо, связанное с местоположением Правителя Вселенной, опять зазеленеет с явлением новой манифестации Империи и с победой над силами Тёмной Эпохи, кои представлены, в соответствии с новой религией и библейско-христианской терминологией, народами Гога и Магога, чей натиск начнётся с пришествием Антихриста.

Христианское прочтение этих древних символов не избавляет, тем не менее, фигуры Фридриха II либо Артура, спящего на горе, или его рыцарей, бросающихся в сражение с горной вершины, от связи с древними языческо-нордическими воззрениями, а именно, с представлениями о Вальгалле, горе – жилище Одина, вождя «божественных героев» или сонма душ павших воинов, доставленных сюда женщинами (валькириями). Сей сонм описывается и как *Wildes Heer*,⁶⁷ и как мистическая рать, коя, ведомая Одним, начнёт «последнюю битву» со «стихийными сущностями».

На протяжении золотого века западного рыцарства и гибеллинства эта легенда будет являть себя в бесчисленных вариантах. Пророческий пафос, связанный с приходом «третьего Фридриха», в конце концов, придаст ей соответствующее звучание, выраженное в энигматической формуле императора, который жив и не жив: «*Oculus eius morte claudet abscondita supervivetque, sonabit et in populis: vivit, non vivit, uno ex pullis pullisque pullorum superstite*» [Смерть

⁶³ Царь с небес (лат.). – Прим пер.

⁶⁴ Посланник солнца (лат.). – Прим пер.

⁶⁵ *Эклоги*, 4.5-10.

⁶⁶ Новозаветный апокриф, *Апокалипсис Петра*, упоминает «сына льва» (лев же символизирует империю), который низвергнет и покорит всех царей земли, будучи наделён силой самим Богом; он описывается как «тот, кто пробудился ото сна». Даже в этот период мы можем заметить, как на поверхность выходит память о гиперборейской традиции, относительно чего Лактанций (*Institutiones*, 6.16.3) заявляет, что могущественный князь, каковой восстановит справедливость после падения Рима, придёт из «далёких земель на Севере».

⁶⁷ Дикая охота (нем.). – Прим. пер.

закроет его глаза и лишит их зрения, однако, он выживет и будет петь среди людей. Он жив и не жив, с распутившимися ветвями, но в то же время лишённый новых побегов]. «Он жив и не жив»: слова из прорицания Сивиллы, выражающие тайну средневековой цивилизации в её сумерках. Образы раненого короля, спящего короля, короля умершего, но кажущегося живым, и живого, но кажущегося мёртвым, являют собой тождественные и имеющие общую сердцевину символы, кои мы вновь обнаруживаем в цикле Грааля. Эти символы обретают особое влияние и энергию, когда достигает кульминации последнее усилие Запада, направленное на собственное преображение с целью создать великую цивилизацию, коя основывалась бы на мужественной духовности и традиционной имперской идее.

Глава 11. Фридрих, пресвитер Иоанн и Имперское Древо

Древняя итальянская поэма повествует о том, как «пресвитер Иоанн, благородный индийский владыка» направил посольство к императору Фридриху (предположительно, Фридриху II), коего признавал за «зерцало мира», дабы узнать, насколько тот «мудр в своих словах и поступках». Он послал ему три камня, а также поинтересовался, что император считает наилучшей вещью на свете. Фридрих, гласит легенда, принял камни и не спросил об их ценности; что же до заданного вопроса, он ответил, что «мера» есть лучшая вещь на свете. Из всего этого пресвитер Иоанн заключил, что «император мудр в словах, но не в деяниях, ибо не осведомился о силе камней, коя была столь велика». Он счёл, что со временем камни сии «потеряют свою ценность, поскольку император так и не узнал, какова же она», и потребовал их назад. В особенности же речь шла о том из них, каковой волшебным образом мог делать невидимым и о котором Фридриху было сказано, что он «стоит больше, чем вся твоя империя».

Согласно иной легенде, донесённой до нас Освальдом Сочинителем (*Oswald der Schreiber*), Фридрих II получил от пресвитера Иоанна платье из несгораемой кожи саламандры, воду вечной юности и кольцо с тремя камнями, которое давало своему владельцу способность дышать под водой, становиться невидимым и неуязвимым. Вообще, камни пресвитера Иоанна чаще всего фигурируют в немецких писаниях четырнадцатого столетия, вместе с упоминанием о силе, делающей человека невидимым.

Эти легенды имеют важное значение, особенно с учётом того, что царство пресвитера Иоанна было одним из средневековых наименований Высшего Центра.⁶⁸ Сей центр предположительно находился в таинственной волшебной земле в Центральной Азии, в Монголии, Индии и даже Эфиопии (смысл этого последнего названия весьма туманен и допускает различные толкования). Тем не менее, при рассмотрении атрибутов, приписываемых сему царству, не остаётся никаких сомнений, что оно обладает символическим характером. Преподнесение пресвитером Иоанном даров императору Фридриху представляет собой своего рода наделение его полномочиями высшего свойства, предложение германскому правителю Священной Римской Империи установить подлинный контакт с принципом, олицетворяющим Правителя Вселенной. Вода вечной юности, судя по всему, обозначает бессмертие. Несгораемое платье связано со способностью феникса оставаться невредимым в пламени, в коем он себя обновляет. Невидимость зачастую символизирует способность вступать в связь с незримым, сверхчувственным измерением, проникать в него. Возможность дышать под водой соответствует способности не тонуть, ходить по ней (вспомним, как Калки-аватара пересёк море, как покоится над водами меч короля Артура и другие сходные примеры); она означает сопричастность принципу, возвышающемуся над течением бытия, над потоком становления. Иными словами, все упомянутые качества относятся к строго инициатической сфере.

Приведённая итальянская легенда, очевидно, намекает на то, что Фридрих оказался не достоин подобных полномочий. Его удел – рыцарское звание и сугубо светская власть, ибо для него «мера» – лучшая вещь на свете.⁶⁹ Фридрих не соблаговолил спросить о символах могущества, предложенных ему пресвитером Иоанном. Поскольку он не уразумел смысла высочайших полномочий, они отзываются, а роль императора со временем обречена на угасание. Здесь мы сталкиваемся с новым звучанием формулы: «Жив и не жив». Это намёк на императора, чья жизнь – лишь видимость, или на короля, пребывающего в состоянии летаргии. В данном

⁶⁸ R. Guenon, *Le Roi du monde*, ch. 2.

⁶⁹ Именно это достоинство, предположительно, и отличает фундаментальный стиль арийских или индоевропейских рас, согласно некоторым учёным, анализирующим их исключительно этически-натуралистические аспекты.

случае эта формула тесно связана с фундаментальным сюжетом легенд о Граале, а именно с мотивом вины героя, каковой не задаёт вопроса, означающего начало восстановления.

К вышесказанному нам хотелось бы добавить некоторые детали относительно образа пресвитера Иоанна. *Tractatus pulcherrimus* говорит о нём как о «царе царей», *rex regum*. В его фигуре сочетаются духовное владычество и королевская власть, он имеет возможность сказать о себе: «*Johannes presbyter, divina gratia Dominus dominatum omnium, quae sub caelo sunt ab ortu solis usque ad paradisum terrestrem*» [Пресвитер Иоанн, Божьей милостью Владыка владык, какие только ни есть под небом в землях от Востока до рая земного (то есть Дальнего Запада)].⁷⁰ Однако, по сути своей, «пресвитер Иоанн» – это лишь титул и имя, означающие не конкретную личность, но функцию. Вольфрам фон Эшенбах и Титурель прямо говорят о «пресвитере Иоанне» как о титуле; а Грааль, как мы увидим в дальнейшем, время от времени указывает на того, кому суждено стать пресвитером Иоанном. Более того, в легендах «пресвитер Иоанн» символизирует того, кто сдерживает племена Гога и Магога, того, в чьей власти зримый и незримый миры (точнее, как естественный, природный, так и сверхъестественный, невидимый порядок вещей), того, подступы к чьему королевству стерегут «львы» и «великаны». В сём царстве есть «источник молодости». Его зачастую связывают с местопребыванием трёх волхвов, с городом Сеува (*Seuva*), каковой был построен по их велению на Холме Победы (*Vaus* или *Victorians*).⁷¹

Более того, здесь мы вновь обнаруживаем «полярный» символизм «вращающегося замка», уподобляемого движению небес, а также символизм места, где хранятся камни света, а равно и камни, «возвращающие зрение слепым» и делающие людей невидимыми.⁷² В частности, пресвитер Иоанн владеет камнем, способным воскресить феникса или, по другим версиям, орла; этот символизм не следует упускать из виду, поскольку орёл всегда, особенно во времена рассматриваемых легенд, соотносился с имперской функцией, коя в своём аспекте «вечности» была связана в Древнем Риме с образом феникса. Согласно некоторым источникам, персидский царь Ксеркс, Александр Великий, римские императоры, а также Ожье Датчанин и Геррин, все посещали царство пресвитера Иоанна.⁷³ Это – не что иное как мифологизированное выражение смутных воспоминаний об отношениях, в которых, как верили, великие исторические правители и легендарные герои прошлого находились с Высшим Центром, местом, где находится камень, обладающий властью воскрешать Орла.

⁷⁰ Достоинство священного короля зачастую подчёркивается библейскими реминисценциями, в частности, представлением пресвитера Иоанна в качестве сына или племянника царя Давида, а иногда и самим царём Давидом: «*Davis Regis Indorum, qui presbyter Johanne a vulgo appellatur – De rege Davis filio regis Johannis*» [Давид, царь индусов, коего люди зовут «пресвитер Иоанн» – Царь (пресвитер Иоанн) является потомком сына царя Давида]. Мы увидим, что Давид был тесно связан с мечом героев Грааля и теми испытаниями, коим они подвергались.

⁷¹ Христианская легенда о трёх волхвах есть попытка наделить христианство традиционным характером в высшем смысле, кое мы вслед за Геноном, придаём данному слову. Один из волхвов преподносит Иисусу золото и приветствует его как царя, второй дарует ему ладан и приветствует как жреца, третий преподносит миро, то есть бальзам бессмертия, и приветствует как пророка. Поступив подобным образом, волхвы, предположительно, признали Иисуса в качестве представителя трёх властей в их изначальном неразделённом состоянии. Аналогичное признание с лёгкостью обнаруживается в действиях персонажей, кои появляются при рождении Калки, дабы его почитать.

⁷² В произведении Иоганна Вита де Гезе читаем: «*Et ibi est speciale palacium presbiteri Johannes et doctorum, ubi tenentur concilia. Et illud potest volvi ad motum rotae, et est testudinatum ad modum coeli, et sunt ibidem multi lapides preciosi, lucentes in node, ac si esset clara dies. Ibi sunt lapilli qui vocantur midriosi, quos frequenter ad partes nostras deportare solent Aquilae, per quos reinvenescunt et lumen recuperant. Si quis illum in digito portaverit, ei lumen non deficit, etsi si imminutum restituitur et cum plus inspicitur, magis lumen aenitur. Legitimo carmine consecrato hominem reddit indivisibilem*» [В особом дворце пресвитер Иоанн и прочие мудрые мужи держат совет. Дворец сей может вращаться подобно колесу и у него сводчатая крыша, напоминающая небеса; во дворце находится множество драгоценных камней, кои сияют в ночи так, будто настал самый светлый день. Эти малые камни, именуемые «midriosi», в наши земли часто заносят орлы, и, благодаря им, вновь становится светло. Тот, кто носит один из этих камушков на пальце, никогда не останется без света. Будучи повреждён, сей камень восстанавливается, и чем, дольше его созерцаешь, тем ярче сияет свет].

⁷³ Мануил, король Романии, был взят пресвитером Иоанном в свой дворец, дабы жить там вечно.

Согласно легендам, Александр, дойдя до Индии по пути, коим однажды шествовали Геракл и Дионис, в качестве венца своих завоевательных усилий попросил божество одарить его высшим залогом победы. И тогда он отыскал не только фонтан молодости, но и два дерева (символизирующих мужской и женский принципы), дерево солнца и дерево луны, кои предсказали ему его судьбу и судьбу созданной им империи.⁷⁴ В сходных легендах мы встречаем упоминания «Древа Центра», «Солнечного Древа», дерева, дарующего победу и Империю, а также «Древа Сифа».

Под влиянием туманных и загадочных историй, рассказывавшихся путешественниками, на протяжении Средних Веков складывалось представление об удивительной далёкой империи Великого Хана, повелителя татар, чья фигура несла отпечаток образа Царя Мира, а империя отождествлялась с царством пресвитера Иоанна. В связи с этими легендами находился и мотив таинственного дерева; тому, кто находил его или вешал на него свой щит, даровалась неуязвимость и вселенская власть. Приведём весьма показательный отрывок из Иоанна Хильдесхаймского: *«Et in ipsa civitate in templi Tartarorum est arbora arida, de qua plurima narratur in universo mundo... ab antiquo in omnibus partibus Orientis, fuit consuetudinis, et est, quod si quis rex vel dominus vel populus tam potens efficitur, quod scutum vel clipeum suum potentur in illam arborem pendet tunc illi regi vel domino in omnibus et per omnia obediunt et intendunt»* [В граде сём, в храме татар, есть сухое дерево, о коем по всему миру рассказывают разные вещи. С древних времён в каждой земле Востока была и до сих пор существует такая традиция: если некто желает стать царём или властителем, то вешает свой кожаный или металлический щит на ветви одного дерева, покуда не обретёт признание в качестве такового].

Благодаря созвучию наименований, дерево, о котором здесь идёт речь, оказалось точкой соприкосновения различных смыслов. Мы имеем в виду не только вышеупомянутый символ Сухого Древа; «Сухое Дерево» в данном контексте есть лишь одна из интерпретаций выражения *arbre solque*, кое толкуют также как «солнечное дерево» (*arbor solis*), «одинокое дерево» (*arbre seul*) и как «дерево Сифа» (*arbor Seth*). Марко Поло, повествуя о стране Великого Хана, пишет: *«Et il y a un grandisme plain ou est l'Arbre Solque, que nous appelons l'Arbre Sec»* [Там есть огромная долина с *Arbre Solque*, кое мы именуем «Сухим Древом»]. Более того, *solque*, имеющее арабский корень, может означать «широкое, высокое, долговечное»; английский манускрипт утверждает, что это не Сухое Дерево, но Дерево Сифа, поскольку тот вырастил его из отростка, взятого с Древа Знания, то есть с дерева, что произрастает в центре Эдемского Сада.

Дерево, дарующее нашедшему его могущество и вселенскую власть, напоминает о традиции, касающейся «изначального состояния» (аллюзия на Эдемский Сад). Более того, два дерева, солнечное и лунное, а также двойной аспект дерева знания и дерева победы возвращают нас к синтезу двух типов могущества, характерному для этого самого состояния. Сей синтез предшествует позднему разделению, точнее, феминизации духовной сферы и материализации сферы мужского. Связь дерева Империи с деревом, растущим посреди земного рая, как то следует из приведённых легенд, кажется вполне естественной в контексте отношений, что устанавливаются между каждой подлинной манифестацией Империи и изначальным состоянием. «Сухость» дерева относится к периоду упадка, каковой должен быть преодолен. Подобное значение недвусмысленно проявляется, к примеру, в легенде, согласно коей, дерево зазеленеет вновь при встрече пресвитера Иоанна и императора Фридриха.

Образ царства пресвитера Иоанна в исторической перспективе послужил основанием, на котором выкристаллизовалась некогда смутная идея интеграции сил, сокрытых за символами рыцарства, Империи и крестовых походов. В материальном мире к фигуре этого могуществен-

⁷⁴ Эта легенда об Александре, коя развивает некоторые элементы рассказов Каллисфена и Юлия Валерия, перекликается до некоторой степени с иной сагой двенадцатого столетия, согласно коей, Александр, достигнув места, «где души ожидают воскрешения тел», то есть земного рая, обрёл камень, подобный камню Фридриха II и пресвитера Иоанна. Об этом камне сказано: «Если сможешь проникнуть в его природу и его силу, то будешь свободен от любых мирских устремлений».

ного и загадочного восточного владыки, не христианина, но друга христиан, обращались за помощью в наиболее тяжёлые периоды священной войны, кою вели крестоносцы на Святой Земле, дабы могла она завершиться победой. После того, как этим надеждам не суждено было сбыться, после того, как не оправдались наивные упования на военную поддержку, а люди так и не поняли, что же скрывалось за символом пресвитера Иоанна и его «помощи», легенда о нём продолжала жить в качестве элемента различных мифов, наподобие сказаний об Ожье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.